

ДИСКУССИЯ

Модератор дискуссии

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина, доктор экономических наук, профессор

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)

Р. Ж. АЛЮТДИНОВ директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ

Э. БАГИС министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)

Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Польши (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор

Ал. А. ГРОМЫКО директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), доктор философии

В. Л. КВИНТ иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии

Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор

А. М. КРАМАРЕНКО директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

А. В. КУЗНЕЦОВ заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Ч. Т. ЛАУМУЛИН исследователь Центра исследований развития Кембриджского университета (Великобритания)

Р. ЛЬЮИС основатель Международного института языкового и кросс-культурного тренинга Richard Lewis Communications (Великобритания), профессор

В. Л. МАКАРОВ научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)

Г. МЕТТАН президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП

Д. В. МОСЯКОВ руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор

А. МУСА министр иностранных дел Египта (1991–2001), генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011)

Р. МЭТТЮЗ	президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, почетный профессор Кингстонского университета (Великобритания)
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
П. П. ТОЛОЧКО	член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Л. Л. ФИТУНИ	заместитель директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
У. де ШАВАНЬЯК	Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, к нам присоединился выдающийся ученый-экономист, советник Президента Российской Федерации академик Сергей Юрьевич Глазьев, который будет модератором данной дискуссии. Тема нашей сегодняшней встречи: «Проблемы и пути урегулирования современных международных конфликтов». Сергей Юрьевич, пожалуйста, Вам слово.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Мы наблюдаем сегодня эскалацию международных конфликтов, причем многие из них на первый взгляд совершенно иррациональны. Трудно объяснить с точки зрения здравого смысла региональные войны на Ближнем Востоке; катастрофу на Украине, которую устроили западные «партнеры», сделав ставку на нацистов; заигрывание Запада с радикальным исламом и неонацистами.

У большинства людей, которые не считают себя политологами, все это вызывает недоумение. А политологическая мысль ищет какие-то тайные пружины. Всплывают конспирологические теории. Мне думается, что проблему эскалации международной напряженности, как и международных конфликтов, в настоящее время необходимо рассматривать в контексте долгосрочных структурных изменений мировой экономико-политической системы.

Напомню работы известного итальянского ученого Джованни Арриги, который открыл вековые циклы накопления капитала. Мы, изучая эту тему, пришли к выводу, что в основе каждого такого цикла лежит система соответствующих институтов, по-старому говоря, производственных отношений, которые обеспечивают воспроизводство капитала, и назвали эту систему мирохозяйственным укладом, подчеркивая ее

целостность. Согласно наблюдениям Арриги, мы вынуждены констатировать, что смена этих вековых циклов накопления проходит через институциональную революцию — кардинальную смену систем управления экономическим развитием и воспроизводством капитала — и, к сожалению, до сих пор сопровождалась мировыми войнами.

Так, эскалация конфликтов в Европе в ходе Первой мировой войны была связана с тем, что Великобритания, пытаясь удержать глобальную гегемонию, столкнула Россию и Германию с катастрофическими последствиями для этих участников конфликта. Но сохранить свою колониальную империю Великобритания не удалось. После Второй мировой войны она окончательно рухнула, поскольку уже не соответствовала объективным потребностям мирового экономического развития. И возник новый лидер на периферии — Соединенные Штаты, которые вместе с возрожденной в виде Советского Союза Российской империей (с совершенно другой системой управления) стали лидерами на последующий политический век.

Смена управления произошла кардинальная. Колониальные империи XVIII–XIX веков занимались торговлей людьми. Таких масштабов работорговли, как в этот период, мир не знал. Люди стали товаром. Да и наемные работники были, по сути, рабами. Не только невольники, которых захватывали в Африке и перевозили в Америку, но и европейские рабочие. Вспомним работы Маркса по истории первоначального накопления капитала. Марксизм стал отражением того, как строились отношения между капиталом и трудом.

Современная эпоха — мы ее называли имперским мирохозяйственным укладом (по Арриги, «долгий

XX век») — характеризуется совсем другой системой управления, чем та, что была в колониальную эпоху.

Появились социальные государства, возникло международное право. Образовались крупные корпорации, будь то советского типа министерства или западные так называемые транснациональные корпорации. Это уклад крупных иерархических структур. И важнейшим элементом этого нового мирохозяйственного уклада стало появление глобальной экономики, разделенной на две части — западную и советскую.

Важнейшим экономическим изобретением этой эпохи стали фиатные деньги. Государства научились печатать деньги, создавать деньги из ничего, авансировать экономический рост. Страны-лидеры сумели присвоить себе право эмиссии мировых валют, получив колоссальное преимущество. Транснациональные корпорации, которые сегодня управляют миром, — это в основном американские корпорации, частично европейские и японские, которые «присосались» к эмиссии мировых денег и получают безграничные возможности кредита. Эта эпоха подходит к своему завершению.

Эпоха либеральной глобализации заканчивается, так же как в свое время закончилась эпоха колониальных империй. И мы видим удивительную реинкарнацию социалистической идеологии в Китае, который стал мировым лидером. Образовался новый мирохозяйственный уклад, который мы вслед за Питиваром Сорокиным назвали интегральным, подчеркивая, что государство объединяет общество и является модератором, который не защищает интересы капиталистов или трудящихся, а занимается интеграцией общества, гармонизацией отношений и сочетает социалистическую идеологию общего блага, подчиняя экономическое развитие подъему народного благосостояния, с рыночной экономикой, с частным предпринимательством. Государство сохраняет контроль над финансовой системой, над кредитом и одновременно дает частному бизнесу возможность развиваться в той степени, в которой это приносит плоды для роста общественного благосостояния. При этом мы видим возрождение национального суверенитета.

Новая концепция мировых хозяйственных отношений — это не либеральная глобализация, как видно на примере «Одного пояса — одного пути» и его сопряжения с нашим Евразийским экономическим союзом. Мы видим, как это работает. Никто не вмешивается во внутренние дела других стран, не заставляет либерализовывать экономику, отказываться от валютного контроля и т. д.

Главной целью нового международного сотрудничества является не создание свободы движения капитала в интересах транснациональных корпораций, а синергетический эффект, совместные инвестиции для того, чтобы сочетать конкурентные преимущества. Баланс интересов здесь не с нулевой суммой, а с положительным синергетическим эффектом на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Переходный период, который мы сегодня переживаем, сопровождается эскалацией международных конфликтов. Как показывает 500-летний исторический опыт смены вековых циклов накопления капи-

тала, описанный Арриги, властвующая элита, которая сформировалась в период предыдущего мирохозяйственного уклада, без боя не уходит. Она старается держаться за свою гегемонию до последнего солдата на периферии.

До сих пор смена мировых хозяйственных укладов каждый раз сопровождалась мировой войной, в которой властвующая элита страны-лидера, к тому времени формировавшаяся десятки лет, пыталась удержать прежний мирохозяйственный порядок, позволявший ей получать гигантские доходы. Но на периферии всегда появлялись новые лидеры. Например, США, которые поднялись на Первой и Второй мировых войнах в Европе.

До этого — Великобритания, которая присвоила себе победу России над Наполеоном и, по сути, появилась в последний момент на поле битвы, перехватив лидерство у Голландии.

Сейчас американская властвующая элита из всех сил пытается удержать свою глобальную гегемонию, держится за однополярный мир, который они для себя придумали. И, как обычно, в ходе такого рода трансформаций война идет за контроль над периферией.

Согласно западной геополитической традиции, контроль над периферией, под которой они понимают для себя всю Евразию, — это прежде всего контроль над Россией. Поэтому они Россию, с моей точки зрения, вовсе не сдерживают, как многие думают, а пытаются уничтожить, расчленив и установить над нами контроль, который они упустили в 2000-е годы. Американская властвующая элита и партнеры США по НАТО искренне верят, что контролируя Россию, они будут контролировать Европу, Среднюю Азию, а значит, будут по-прежнему управлять миром и сдерживать Китай.

Но проблема для них заключается в том, что они уже проиграли Китаю геэкономическую конкуренцию по показателям объемов экономической активности, по показателям внешней торговли. И по показателям научно-технического потенциала мы видим, что Китай стремительно догоняет США: по количеству патентов, ученых, инженеров, открытий и т. п.

К сожалению, исторический опыт свидетельствует, что властвующая элита страны-лидера необучаема. Они будут пытаться удержать контроль над миром любой ценой. И приходится с сожалением констатировать, что американская властвующая элита в качестве инструментов удержания глобального господства использует радикальный ислам, неонацизм, неофашизм и ведет гибридную войну прежде всего против России, а по сути — против всего мира. Вопрос в том, как эту войну прекратить.

В завершение две мысли, как ее прекратить. Мы хорошо понимаем, что в западной геополитике признается только сила. Я это ощутил, когда мы вели переговоры по Украине. Украину силой принудили стать ассоциированным членом Европейского союза и выполнять сегодня его директивы. Диалога никакого нет: делайте, как мы скажем. То же самое сейчас с Китаем. Они ведут торговую войну по таким же принципам. Американская агрессия может закончиться, только если в Вашингтоне поймут, что антивоенная коалиция способна

нанести им неприемлемый ущерб. Экономисты хорошо понимают, что жизнь американского Кошца кроется в механизме эмиссии мировой валюты.

Объем эмиссии доллара вырос за последние 10 лет в 4,5 раза. Американцы подпитывают свою гегемонию эмиссией в гигантских масштабах. Девяносто процентов ее идут на покупку казначейских обязательств США, а значит, на финансирование военных расходов и содержание их военных баз по всему миру. Единственный способ прекратить агрессию США — перекрыть источники финансирования их военных расходов, которые на порядок превышают российские. А также предотвратить объявленную администрацией Дональда Трампа новую гонку вооружений, совершенно никому не нужную.

Как это сделать? Необходимо в нашем евразийском пространстве, опираясь на инициативу Владимира Путина о создании большого евразийского партнерства, переходить на национальные валюты, отказываться от доллара во взаимных расчетах, во взаимных инвестициях, переводить все наши банки развития на национальные валюты. Выстраивать мирохозяйственные связи на основе взаимной выгоды, партнерства, уважения национального суверенитета. Создавать свою новую валютно-финансовую архитектуру в Евразии, которая стала бы основой для формирования и новой глобальной финансово-экономической архитектуры, где страны — эмитенты мировых валют должны взять на себя ряд обязательств. Прежде всего обязательство не применять санкции.

В частности, из-за американских санкций доллар не может в дальнейшем рассматриваться в качестве мировой валюты, поскольку для России все сбережения в долларах сегодня крайне рискованны, включая резервы государства.

Мы видим, что арестовываются долларové счета, американские банки блокируют переводы денег, включая расчеты в долларах даже с китайскими партнерами. Любая транзакция в долларах проходит через корсчета американских банков, где она легко блокируется. И это не просто опасения, это происходит в реальности сегодня. На наших глазах. Поэтому мы вынуждены переходить на расчеты в национальных валютах и извлекать уроки.

Если мы признаем валюту какой-то страны резервной, значит, эта страна должна взять на себя международные обязательства никаких санкций не вводить, обеспечивать полную ликвидность такой валюты, открывать свою экономику для приобретения любых активов в этой валюте.

Если ни одна страна не возьмет на себя такого рода обязательства, то цифровые технологии дают нам возможность перейти к наднациональной валюте, которая эмитировалась бы под жестким контролем международного сообщества. Она может быть привязана к корзине национальных валют стран, участвующих в таком валютном механизме.

Я думаю, что по мере формирования нового мирохозяйственного уклада мы перейдем к созданию наднациональной валюты. Таким образом, антивоенная коалиция может выстраиваться на основе отказа от долла-

ра как мировой валюты. Это создаст для американцев угрозу невосполнимого ущерба, поскольку появится риск коллапса долларовой финансовой пирамиды.

Вторым стержнем для формирования антивоенной коалиции, как мне представляется, должно стать заключение международной конвенции по кибербезопасности. В мировой гибридной войне главное оружие — кибернетическое (информационные технологии). Мы видели, как оно было применено по отношению к Ирану, когда, по всей видимости, Агентство национальной безопасности США устроило аварию на иранской атомной станции, запустив компьютерный вирус.

Сегодня единственная страна, которая категорически не хочет заключать соглашения по кибербезопасности, — это США. Они имеют в этой области преимущество и считают, что это преимущество у них абсолютное и позволяет им вести войну чрезвычайно эффективно.

Но новое ядро мирового экономического развития сформировано. Я убежден, что нет такой информационной технологии, которую мы не могли бы создать вместе с Китаем и Индией. Более того, Китай показывает способность абсолютно автономного развития своего информационного пространства, где он ухитряется даже возводить заградительные стены в социальных сетях. Они сумели во многом обезопасить свое киберпространство.

Так что заключение международной конвенции о кибербезопасности, мне кажется, могло бы стать еще одним стержнем формирования антивоенной коалиции. Страны, которые не подписывают такое соглашение, исключаются из общего информационного пространства. Импорт их техники блокируется, их программным обеспечением мы не пользуемся.

И это второй элемент, который нанесет американской гегемонии непоправимый ущерб, что заставит агрессора отказаться от дальнейшего нагнетания международной напряженности.

Конечно, мы живем в XXI веке. И наше время должно стать эпохой торжества разума и гуманизма. В отличие от известной русской легенды о Кошце Бессмертном, никто не ведет речи о смерти США. Напротив, мы им желаем хорошей жизни, процветания. Но за их, а не за наш счет. Желаем честно зарабатывать на свое благополучное бытие. Просто Кошца нужно заставить вести себя прилично.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сергей Юрьевич, то, что Вы сказали, чрезвычайно интересно. По-моему, Ваша точка зрения может стать одной из основ дальнейших действий России на мировой арене и представляет собой реальный вариант развития событий. Прошу Вас взять на себя роль модератора дискуссии.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Спасибо. Сейчас перед нами выступит академик Валерий Леонидович Макаров.

В. Л. МАКАРОВ: — С большинством тезисов академика Глазьева я согласен. Мы движемся к цифровому обществу. Важно, что Китай ушел от платежной системы SWIFT (СВИФТ), там все свое. Российский Цен-

тробанк тоже объявляет о том, что у нас должно быть свое, хотя это, как говорится, пока только замыслы. Это на самом деле очень важно, потому что тогда американской гегемонии не будет. Думаю, всемирная фейковость информации тоже сократится.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Преимуществом цифровых технологий является то, что с ними можно обойтись вообще без банков. И это тоже дает возможность контролировать распределение эмиссионного дохода.

Слово предоставляется профессору Леониду Леонидовичу Фитуни.

Л. Л. ФИТУНИ: — Очень интересное, содержательное вступление Сергея Юрьевича. Проблема, на мой взгляд, заключается в том, кто будет всем этим заниматься. Чтобы реализовать предложенную систему мер, необходима воля государства и его лидеров — конкретных носителей государственной власти. Можем ли мы рассчитывать на то, что мир единым фронтом захочет отказаться, например, от технологической системы в информационной сфере, на 92 % уже американской, и начнет закупать, скажем, продукцию Тайваня, Южной Кореи. Кто будет носителем перемен и почему именно он будет этим носителем?

Элиты подавляющего большинства влиятельных стран достаточно хорошо встроены в существующую систему. И большая часть тех, кто с ней сегодня вроде бы не согласен, вне ее рискуют потерять свое влияние и значимость. В Китае, безусловно, заложен огромный потенциал, все шире и многогранней раскрывающийся в наши дни. Насколько это поступательное восходящее движение сохранит свой стремительный бег, сказать трудно. Для характеристики современной трансформации глобальной роли КНР я позволю себе использовать марксову формулу (тем более, что в этом году мы отмечаем 200-летие со дня рождения автора «Капитала»): если раньше Китай был сверхдержавой «в себе», то теперь — Китай глобальная сверхдержава «для себя». А потому, размышляя о будущем, о российско-китайских отношениях и о стратегическом партнерстве и тому подобном, я не уверен, что Китай будет стремиться согласовывать свои действия с интересами России, Индии и других стран. Скорее будет работать на себя. При определенной доле цинизма нельзя полностью исключить и такого сценария, согласно которому в назначенное время мы окажемся на пороге *Pax Sinica*, однополярного мира по-китайски. Каким будет место России в нем? А США? А более мелких стран Европы?

В известной восточной сказке юноша — победитель дракона сам превращается в дракона и занимает его место. Так и Китай, свалив США с позиций глобального гегемона, может превратиться в Нью-США, в Новый Град на Холме, в глобальную Поднебесную с центром в Серединном Царстве. В чем будет заключаться в итоге наша выгода?

Некоторые соображения относительно сказанного на тему конфликтов в новом мире. Вчера во время дискуссии прозвучала гуманистическая мысль, что мир уходит от мира наций к миру свободных индивидуумов. В связи с этим сошлюсь на еще одну цитату

из Маркса, на этот раз из «Капитала»: «При столкновении двух равных прав решает сила». В мире, где у всех равные права, должен существовать механизм соблюдения равенства этих прав. В противном случае неизбежны силовые столкновения.

В этой ситуации содержится зерно любого будущего конфликта. Я здесь говорю не только о конфликтах между индивидуумами. Это и конфликты между сообществами, государствами и т. д. Конфликты будут возникать всегда.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — В качестве контрпримера Вашему тезису, что все элиты переплетены и встроены в сложившуюся систему, приведу прецедент, который создан в Лондоне, где введена административная процедура по аресту и отбору имущества. Впервые за все время существования Лондонского финансового центра возникла процедура, согласно которой все приезжающие должны доказывать чиновникам, что их доходы получены законным образом. Это свидетельствует о том, что на самом деле система разваливается.

Л. Л. ФИТУНИ: — У нас существует много мифов о неких «священных» и неколебимых принципах права на Западе, в частности англосаксонского права, абсолюта «священного» права частной собственности или абсолютного примата презумпции невиновности. И это несмотря на то, что реальные жизненные прецеденты больно бьют россиян и свидетельствуя об обратном. Вспомним недавнюю историю с активами россиян в кипрских банках, с российской дипсобственностью в США, принуждение Вашингтоном к продаже вполне легальной собственности некоторых наших олигархов.

Подобным образом презумпция невиновности тоже действует не всегда и не везде. Не всегда сторона обвинения обязана доказывать свои утверждения. Есть случаи, когда обвиняемый должен доказать, что подозрения в отношении него необоснованны. В современном английском праве (а также в канадском и индийском) существует понятие «reverse burden of proof» — «перенесение бремени доказательства» <невиновности>. По большей части это касается доходов, полученных преступным путем и преступлений, связанных с наркотиками (в Канаде). В основном этот принцип применяется именно в контексте процедур конфискации имущества предположительно преступного происхождения. Но надо признать и то, что по сути вся система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в мире в первооснове своей требует, чтобы владелец актива был в состоянии доказать законность происхождения средств. В 2000 году Совет Европы даже опубликовал обзор лучших мировых практик в области перенесения бремени доказательства на подозреваемых по делам о конфискации имущества преступного происхождения. Позже эти положения были включены и документы и рекомендации ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Что касается имплементации конкретного английского закона, о котором говорит Сергей Юрьевич, «Акта о криминальных финансах» 2017 года, то все дело в том, что как раз не «все приезжающие долж-

ны доказывать чиновникам, что их доходы получены законным образом». Закон применяется избирательно. Доказывать должны те приезжающие, в отношении которых, по мнению английских властей, имеются обоснованные подозрения в вероятно незаконном происхождении их средств. Так сказать, “highly likely”.

Г. М. РЕЗНИК: — В Англии все это может перемещаться в суды. Суды рассматривают эти вопросы, представьте себе, независимо. И есть не единичные случаи, когда суды выносили решение не в пользу государства. Например, когда отказывали во въезде в страну предпринимателям, в том числе крупным российским бизнесменам, которые подозревались в совершении правонарушений. В моей практике был такой случай.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется иностранному члену РАН, профессору Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Прежде всего я хочу поднять вопрос о валюте, ответ на который вы, возможно, знаете. 62,7 % мировых валютных резервов все еще хранятся в американских долларах и только 1,2 % — в китайских юанях. Это соотношение не меняется, так что мир все еще не верит в силу и будущее китайской валюты как средства хранения валютных резервов. Это рискованно, поэтому не следует ожидать, что китайская валюта займет лидирующее положение ранее чем через 20–30 лет.

Валютные резервы России относительно небольшие (меньше, чем у Саудовской Аравии) и по размерам соответствуют резервам Гонконга или Тайваня. В настоящее время они составляют примерно 460 млрд долларов. Вопрос заключается в том, какая часть из них хранится в китайских юанях? Вы верите в китайскую валюту или это просто слова?

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть, касается стратегии и политики разрешения международных конфликтов. Сейчас (в эти месяцы, недели, а может быть, и дни) наступил новый этап, связанный с расколом внутри Запада — между Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом — по многим аспектам международной политики. Сегодня у России и Китая гораздо больше общего с Европейским союзом, Германией, Францией и даже Великобританией, несмотря на брексит, чем с США. Это может изменить правила игры, и если смотреть в будущее сквозь призму традиционных отношений «Восток–Запад», то они не имеют смысла. Предполагаю, что Москва, Берлин, Лондон и Париж сейчас более осторожно ведут переговоры о том, как реагировать на политику президента США, непонятную и часто противоречащую здравому смыслу.

Третье, о чем я хотел бы сказать, — 46 лет назад Киссинджер и Никсон обратили внимание на Россию и Китай и им удалось вбить клин между Китаем Мао Цзэдуна и Советским Союзом Брежнева. Фактически это стало началом конца Советской империи. В настоящее время на мировой арене ведется еще одна игра — попытка, особенно со стороны США (гораздо в большей степени, чем Европейского союза, и по этой при-

чине я не говорю о Западе в целом), вновь вбить клин между Россией и Китаем. Председатель Китайской Народной Республики недавно сказал, что сейчас отношения между Китаем и Россией лучшие за всю историю. Если Россия и Китай сейчас не позволят вбить клин между двумя странами, их резервами, населением, технологиями, вооружением и в первую очередь экономикой, то мир в будущем определенно будет отличаться от мира в прошлом. И голос России в связи с решением международных конфликтов, проблемами в Корее или Иране, Сирии или на Украине станет гораздо весомее, и будет гораздо важнее обсуждать вопросы с Россией, чем с США.

Последний вопрос, который я хотел бы обсудить после доклада профессора Глазьева, — отсутствие возможностей для сотрудничества. То, что Вы говорите, означает поворот на 180 градусов по сравнению с тем, что заявляют Ваши коллеги из США. Те, кто оказывает влияние на политику здесь и там (а именно так и делается политика), высказывают разные мнения о том, что такое гибридная война, в чем обвинить Россию или США. Но когда я слышу абсолютно противоречивые мнения профессоров экономики или специалистов по международным отношениям, то начинаю испытывать настоящее беспокойство вследствие того, что отсутствует почва для серьезного диалога.

Вы представляете свою версию событий — об американской гибридной войне против России, а я вижу единственное сообщение Би-би-си о происходящем в мире — вчерашний арест в Польше российских шпионов, которых обвиняют в ведении гибридной войны против Польши. А на сайте Economy Today («Экономика сегодня»), где часто публикуются пристрастные мнения и за которым, как я думаю, большинство из нас следят, представлена совсем другая картина, диаметрально противоположная нарисованной Вами. Как можно совместно работать на этой основе? Как мы можем влиять на выработку прагматичного решения, разрешение конфликтов в современном мире и в будущем, когда представляем факты противоречивым образом? Неужели неправы все? По этой причине научное сообщество, интеллектуалы должны играть более важную роль в диалоге, чем до сих пор. Мы находимся в Санкт-Петербурге и представляем один из вариантов толкования, а может быть, где-то в Сан-Диего или Нью-Йорке проходит еще одна конференция, на которой обсуждаются эти же явления, но по-другому, политики цитируют знаменитых экономистов и политологов. Мир распадается на части. Вместо того чтобы гасить конфликты, мы только разжигаем их и ничего не знаем о тех, которые могут произойти в ближайшем будущем.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Большое спасибо, профессор Колодко. По-моему, пока мы используем одну и ту же терминологию, у нас есть возможность обсуждать значение этих терминов. Сегодня ситуация гораздо более позитивная, чем в период конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, когда люди говорили на разных языках. Теперь мы в большей или меньшей степени используем одни и те же слова, другое дело — каково значение этих слов

(и в данном случае замечание господина Колодко справедливо).

К микрофону приглашается министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010) Мигель Анхель Моратинос Куйяубе.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Я очень внимательно слушал доклад С. Ю. Глазьева и выступление нашего друга из Польши Г. Колодко. Господин Глазьев, я разделяю Вашу обеспокоенность, так как в последние годы Российская Федерация столкнулась с конфронтацией. Мои симпатии полностью на стороне России, ее руководства, моих коллег из Министерства иностранных дел. У меня нет тесных связей с администрацией США, и я не симпатизирую администрации США и лично господину Трампу. То, как он ведет международные дела, не имеет ничего общего с моим подходом и анализом будущего.

Господин Глазьев, я понимаю Вашу позицию и считаю, что на Лихачевских чтениях мы должны сделать шаг вперед и нащупать почву, о которой говорил наш коллега из Польши. Мы не должны возвращаться к холодной войне, конфронтации «Восток–Запад». Если этого хотят американцы и американская администрация толкает некоторых в этом направлении, то мы должны попытаться избежать этого.

Вспоминается выступление министра С. В. Лаврова два года назад на конференции в Мюнхене. В частности, он говорил о Востоке, о том, что западный порядок уходит в прошлое и нам нужно создавать новый западный порядок. Я могу продолжить это высказывание. Новый мировой порядок не может быть представлен только Китаем, Россией и Индией в противовес Западу. Давайте попробуем создать новый порядок, который поможет всем решать проблемы, связанные с глобальными вызовами.

Что касается национальной валюты и того, что можно сделать в нынешней ситуации, то там, где возможно, нужно учитывать национальные интересы, но это не решит проблему. Нужно изменить Бреттон-Вудские институты, реформировать Международный валютный фонд, поскольку национальная валюта — это последствия, финансовая система отреагировала на современные вызовы. Призываю не заниматься анализом поверхностного элемента — валюты, а проанализировать «сердце» мировой экономической и финансовой системы. Европейский союз и другие страны могут внести свой вклад в решение этой проблемы.

Несколько слов о кибервойне, кибербезопасности и искусственном интеллекте Интернета. Мы столкнулись с тем, что американцы прослушивают наши телефоны, телефоны Меркель, Берлускони и многих других. Агентство национальной безопасности США вмешивается практически во все происходящее в мире, но именно Россию обвинили во вмешательстве в выборы в США. Мы должны попытаться создать среду и регулировать новое общество информации на международном уровне, а не просто отвечать на кибератаки из Америки, России или Китая. Давайте совместно попытаемся навести порядок и создать условия, чтобы можно было управлять миром будущего.

И последнее: в Европе получила широкое распространение американская гегемония. Мы пытаемся понять друг друга, соединить элементы и умалчивать о ситуации — все это признаки колониального прошлого. Но, как сказал господин Колодко, Европейский союз сейчас избрал новый путь. В будущем вам придется сделать важный стратегический выбор: Россия должна определить, какое место она займет, каким будет баланс сил между Россией и Китаем, как в этом равновесии должны действовать европейцы, какую политику проводить по отношению к США, где наблюдается упадок, как реорганизовать себя и создать мультиполярный мир.

Я призываю работать совместно и стремиться избежать конфликтов. Я понимаю Вашу позицию, но, пожалуйста, не возвращайтесь к холодной войне. Это будет иметь негативные последствия как для России, так и для всех нас. Нужно создать новый миропорядок, и при этом мы должны уважать друг друга и пытаться совместно отвечать на новые вызовы (это должен быть коллективный путь).

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Полагаю, что никто не хочет возобновления холодной войны. Речь идет о том, что в переходный период рухнуло международное право, всемирные организации, отвечающие за мировую стабильность, больше не работают, включая международные договоры.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН, профессору Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Сегодня мы говорим о современных конфликтах и путях их урегулирования. Чтобы понять, как разрешать конфликты, нужно сказать несколько слов об их причинах.

Одна из важнейших причин, о которой мы сегодня еще не говорили, — сохраняющаяся борьба за ресурсы и рынки. В основе любого конфликта лежит желание той или иной страны получить преимущества. В первую очередь эти преимущества касаются ресурсов либо рынков. С этой точки зрения конфликты в той или иной степени завязаны на ресурсы. Эта ситуация характерна для Ближнего Востока (здесь присутствует Виталий Вячеславович Наумкин, который более подробно может высказаться по этому поводу), России (которая богата природными ресурсами) и Африки, являющейся одним из основных источников ресурсов. Африка интересна еще и тем, что на этом континенте ресурсы до конца не изведаны и не распределены, поэтому когда мы говорим о будущих конфликтах, то можем определить основные направления их развития.

Африканский континент пережил «арабскую весну». Сегодня в различных частях Ливии в условиях хаоса, который там возник после распада страны, ведущие роли играют разные игроки: в западной части — американцы и швейцарцы, в восточной — французы (*Total*), испанцы (*Repsol*), итальянцы и китайцы (*Sinopec*). В принципе ситуация их устраивает.

В Демократической Республике Конго, где уже много лет не утихают различные конфликты, борьба идет не только за «кровавые» алмазы, но и за ресурсы,

которые важны для будущего технологического развития. В первую очередь речь идет о кобальте и колтане, потому что без кобальта, который нельзя заменить другими субститутами, в отличие от других металлов, невозможно развитие авиационной промышленности, строительство военных самолетов и т. д.

В странах, расположенных вдоль Великого Восточно-Африканского разлома, где недавно были открыты богатейшие топливные ресурсы, большие запасы газа и нефти (в Танзании, Кении, Уганде и др.), тоже возникают конфликты. В 2011 году Кения в составе войск Африканского союза принимала активное участие в разрешении конфликта в Сомали и ввела туда свои войска. Террористическая африканская организация «Аш-Шабаб», по сути, сейчас превращается в ИГИЛ на Африканском континенте, и ее террористическую направленность активно используют западные державы. Столица Кении Найроби, где происходили террористические акты, превратилась в арену хаоса, в студенческом городке в Гариссе произошло убийство студентов. Все это так или иначе связано с борьбой за ресурсы. Американцы, которые помогали Кении в том числе в борьбе с Сомали, заняли хорошие позиции в этой стране, в частности в области разработки нефтяных месторождений. На Южном конусе Африки (например, в Мозамбике, который тоже будет вовлечен в конфликт) обнаружены колоссальные запасы газа. Группировка «Аш-Шабаб» в январе 2017 года уже появилась в Мозамбике, ее будут использовать, поскольку рычаги влияния в борьбе за ресурсы уже отработаны.

Китай, претендующий сейчас на звание экономического лидера, рассматривает эту зону как важнейшую в коммуникационных цепочках. Новый шелковый путь в глобальном смысле — реализация китайской мечты. В маленькой Республике Джибути уже сейчас расположены военные базы Соединенных Штатов Америки, Германии, Италии, Японии, Китая. И этот процесс не завершен. Поэтому что бы мы ни говорили, как современные технологии могут заменить ресурсы, к сожалению, в ближайшее время этого не произойдет.

Вторая ресурсная составляющая — это население. Африканское население чрезвычайно молодое. Именно молодежь наиболее восприимчива к современным технологиям. Население Европы стареет. Население Африки самое молодое в мире, его средний возраст составляет 19 лет. Люди, которые воспримут эти технологии, будут жить уже не в Европе и США, а в районах с высокими темпами роста населения, в том числе в Африке. Поэтому России в данной ситуации нужно все это учитывать.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Ирина Олеговна, спасибо, что напомнили о фундаментальных факторах. Слово предоставляется академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — Здесь уже говорили о том, что в мире наступает цифровая эра. Россия активно работает в этом направлении. Вообще представление о России как стране, где инновациям уделяется недостаточно внимания, неправильное. Я считаю, что

у нас достаточно активно развивается инновационная сфера. Но тем не менее в этой области (смартфоны, Интернет и т. д.) пока наблюдается американское господство.

Сергей Юрьевич, в плане, который Вы представили, говорится про финансы, а как развивать электронную интернет-сферу, коль скоро Вы связываете надежды с цифровой эрой, информационными технологиями?

Наши экономисты перестали говорить о постепенном происходящем превращении США в главного производителя углеводородов — нефти и газа. Возможно, причина отсутствия адекватных экспертных оценок в том, что еще не совсем понятно, что будет дальше. Объем добычи газа в США приближается к 700 млрд куб. м, США уже обогнали по этому показателю Россию, Иран и Катар. По объему добычи нефти США тоже скоро планируют опередить Саудовскую Аравию и Россию. Но даже если США, как предполагается, через несколько лет будут добывать 15–16 млн баррелей нефти в день, все равно основное потребление будет происходить внутри этой страны. Наши партнеры в Персидском заливе внимательно следят за этой ситуацией. Главный вопрос, который обсуждается на двусторонних встречах, — что будет дальше. Что сегодня нужно США, если учитывать, что они становятся основными производителями углеводорода в мире? Как это скажется на борьбе за ресурсы, о которой говорила Ирина Олеговна?

Сегодня в мире возникают новые точки напряженности. Очень высокий уровень конфликтности отмечается на Ближнем Востоке, есть опасные конфликтные ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к примеру, в районе Южно-Китайского моря). Никто не мог предположить, что между странами, входящими в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), возникнет серьезный конфликт между Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Египтом, Бахрейном — с другой. Сегодня в ССАГПЗ образовались две тройки: одна — Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн, другая — Оман, Кувейт и Катар, каждая из них имеет свою позицию. Маленькие государства с точки зрения глобальной политики — не главные, но значимые акторы в смысле ресурсной базы, финансового потенциала. Очевидно, что высокий уровень конфликтности на Ближнем Востоке, несмотря на затухание военной активности в Сирии и победы над ИГИЛ, в целом будет продолжаться. Урегулирование конфликтов здесь сталкивается с непреодолимыми препятствиями.

В этой части планеты в последние годы постоянно возникают новые точки напряженности. Серьезные разногласия разделяют государства, по-разному относящиеся к организации «Братьев-мусульман». Сохраняют влияние на умы джихадисты, в исламском мире продолжается противостояние радикальных и умеренных сил. Какие за всем этим стоят экономические интересы (в плане борьбы за ресурсы, за влияние в целом)? Мне хотелось бы, чтобы мы об этом поговорили.

И последнее: Трамп заявил американцам, что поставит Иран на колени. Немало американских поли-

тиков поддерживают его: «Мы этого добьемся, иранский режим будет свергнут». Что это — риторика перед промежуточными выборами или действительный план и Трамп пойдет до конца в оказании давления даже на своих европейских союзников? Сегодня газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк пост» публикуют дорожную карту, включающую в качестве одного из пунктов давление на SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications). Если SWIFT не пойдет на уступки, американцы якобы сменят совет директоров. Насколько сегодня американцы готовы идти на конфликт с Европой? Это угроза или серьезная продуманная стратегия по созданию напряженности между Европой и США? Из этого, наверное, надо исходить, когда мы обсуждаем разные варианты нового мирового порядка.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — В связи с цифровыми технологиями хочу сказать, что в криптомире русский является одним из главных рабочих языков, так что не все так плохо. Сейчас перед аудиторией выступит человек, который обладает огромным политическим опытом в деле урегулирования конфликтов. Слово представляется Шаукату Азизу, который руководил Пакистаном с 2004 по 2007 год.

Ш. АЗИЗ: — Когда я победил на выборах и стал премьер-министром, то оставил себе также и портфель министра финансов, потому что без финансов невозможно ничем управлять и ничего контролировать. Перед тем как войти в правительство, я 30 лет проработал в Citibank — крупнейшем банке в мире, входил в состав правления.

Вопросы, которые мы обсуждаем сегодня, — влияние той или иной валюты на мировую торговлю, инвестиционные потоки в мировых масштабах — не являются новыми. Если складывается кризисная ситуация, то можно вмешаться, и деньги могут и не дойти до того, кому они предназначались. Американский доллар — это международная валюта, мировое платежное средство. Все другие валюты оказывают лишь незначительное влияние на мировые финансовые потоки, хотя мировой ВВП производится, конечно, не только в США. Однако весь мир смотрит на эту систему сквозь пальцы. Мы сделали ее немного более прозрачной и независимой. Я это поддерживаю. Американцы приложили немало усилий и заняли выгодную позицию: они регистрируют каждый платеж в долларах, могут его провести или заблокировать, могут задавать вопросы.

Мы можем и дальше говорить, что дела обстоят не так, как должны были бы. Я думаю, что Америка по большей части ответственная страна. До сих пор они не принимали никаких вредоносных решений в финансовой сфере, но у них есть такая возможность. Думаю, что мировой финансовой системе требуется большее равновесие, особенно в расчетах. Однако это не единственная проблема, которая заставляет нас беспокоиться.

Теперь по поводу расчетов в долларах и роли доллара в мире. Сегодня, если вы захотите, чтобы в игру

вступили другие валюты, может оказаться, что их не хватит для покрытия всех финансовых потоков в мире. Так что этот процесс должен идти постепенно. Думаю, что страны, представители которых сидят в этом зале, должны донести свою точку зрения до Международного валютного фонда. Дело касается именно МВФ, поскольку валюты находятся в их компетенции, а не Всемирного банка или других банков. Необходимо, чтобы МВФ разработал новую парадигму, которая будет предусматривать большее равенство, а не доминирование одной валюты в мировых потоках. Для этого требуются обсуждения и дискуссии.

В том, что касается проблемы Бреттон-Вудских институтов, я согласен с моим другом Мигелем. Я лоббирую этот вопрос уже на протяжении ряда лет, но пока безуспешно. Конечно, Бреттон-Вудская система несовершенна и ее необходимо изменить, но пока не удалось собраться и принять решение по внесению изменений. Например, решение о том, кто будет главой Всемирного банка, принимает одна страна, и если у человека нет судимости и уголовного прошлого, его кандидатуру утверждают. Кандидатуру главы МВФ тоже одобряет США, и в этом нет ничего плохого, но это не всемирный способ назначения кого-либо. Так что Бреттон-Вудским институтам требуется незамедлительная реформа.

В сложившемся положении надо винить не одну страну, а всех нас, потому что мы пренебрегли своими обязанностями и не хотим изменений. И только когда создавался Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который является новым институтом и не всегда участвует в игре по Бреттон-Вудским правилам, мы обеспечили отсутствие ограничений при выборе его главы. Да, это гражданин Китая, и его назначение было инициировано китайцами. Но главой этого банка может стать гражданин любой другой страны, потому что его избрание основывается на личных заслугах кандидата. Но если в каком-то учреждении имеется ограничение, в соответствии с которым его глава должен быть гражданином только одной определенной страны, то, по-моему, это является существенным изъяном. Когда человек занимает высокую должность не по заслугам, а по каким-то другим критериям, это означает отсутствие прозрачности. Так что важно понять, что мы имеем систему с недостатками, и ее нужно менять. Однако у мировых лидеров просто нет времени заняться данной проблемой. Я обсуждал эту тему со многими мировыми лидерами, но они или не понимают важности проблемы, или не заинтересованы в изменениях. Они говорят, что данный вопрос должны решать министры финансов или центральные банки. Но проблемы сами собой не исчезнут, и действовать необходимо уже сегодня.

Как это сделать? Потребуются большие усилия, и придется столкнуться с мощным противостоянием. Доллар — очень сильная валюта, и если вы решите прекратить работать с долларом, то вряд ли найдете реальную альтернативу. Слабой альтернативой можно считать евро, но, конечно, не юань и не рубль. Возможной заменой доллару может представляться фунт стерлингов, но в реальности он всегда будет следовать

за долларом, поскольку Великобритания тесно связана с США в финансовых вопросах. Европа может быть поставлена в такие условия, что ей придется заняться трансформацией этой несправедливой системы. В любом случае это должны быть решения в мировом масштабе. Необходим консенсус многих стран. Думаю, что если мы выработаем заслуживающую доверия позицию, то США проявят здравый смысл. Но у нас нет такой позиции, а есть эмоции, которые не ведут ни к чему хорошему. Нам нужны здравые, разумные и логичные, хорошо продуманные решения, которые мы сможем представить в средствах массовой информации. Потребуется около пяти лет только на то, чтобы добиться согласия на обсуждение темы.

В настоящее время международную торговлю нельзя отлучить от доллара. Дело в том, что США организовали надежную систему расчетов, которая работает без сбоев. Все деньги поступают тем, кому адресованы, и вообще все механизмы прекрасно отлажены. Чтобы реализовать мои предложения (а они не только мои), мы должны выдвинуть двух или трех лидеров. Я бы предложил Китай, Россию и какую-нибудь европейскую страну, например Германию. В противном случае мы будем еще несколько лет вести бесплодные дебаты.

Еще одна острая проблема — «грязные» деньги, которые «отмываются» в банках. Думаю, что необходим строгий контроль за происхождением капиталов, и здесь надо действовать согласованно, потому что такие деньги вообще не заслуживают «дома». Контроль в этой области все еще слабый, поэтому «плохих» денег в обороте по-прежнему много, а вместо них перехватываются «хорошие деньги», в то время как «плохие» нигде не учтены.

Таким образом, необходимо в первую очередь решать три проблемы: первая — международные расчеты, вторая — потоки грязных денег, третья, необходимая для решения первых двух, — реформирование Бреттон-Вудских институтов.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я согласен с Вами в том, что мы должны проявлять большую осторожность, двигаться вперед постепенно, шаг за шагом. Однако мне хотелось бы напомнить, что «Большая двадцатка» приняла решение о реформе МВФ около десяти лет назад, но с тех пор ничего не было сделано. Передаю слово господину Амру Мусе.

А. МУСА: — Начну с утверждения польского коллеги, что мы снова живем в атмосфере холодной войны. Я придерживаюсь того же мнения и считаю, что новая холодная война началась уже давно — вскоре после окончания предыдущей. Тогда одним из вариантов будущего было «столкновение цивилизаций», или «конец истории». Предполагался поиск нового врага — соперника в политике, экономике, военной области и т. д. Но мозговые центры и политический истеблишмент в Америке вскоре поняли, что конца истории не предвидится, поэтому надо продолжать проводить прежнюю политику по определенным направлениям. Это, по сути, холодная война, но другими средствами — с помощью экономики, доллара и т. д. Эта по-

литика также предусматривает оказание воздействия на страны с переходной экономикой, в первую очередь на Китай. Не следует думать, что мир идет вперед простым путем — от одной супердержавы к другой, что когда мы говорим кому-то «прощай», то придет другой и займет освободившееся место. Но это старый способ мышления. Многие считают, что доминирование одной супердержавы сменится несколькими центрами силы. С одной стороны, это Китай, с другой — Америка, а также есть новые лидеры. Так что пока не надо сбрасывать со счетов США, их упадок будет относительным, как и подъем Китая. В новом мире все не просто. Как говорится, «Король умер — да здравствует король!»

Но это только одна сторона проблемы. Другая — что делать с холодной войной? Мир переживает беспрецедентный период в политике, экономике, образе жизни. Вчера президент Трамп изменил свое решение относительно участия США в мировой торговле. На прошлой неделе он своими решениями наказал определенные китайские компании, которые обвинил в ведении дел с Северной Кореей и рядом других стран. Но потом он смиростивился, забыв о Северной Корее и санкциях. Это показывает, что торговая война, политика США, реакция Китая и других стран — все это постоянно меняется. После принятия Трампом решения о спасении определенной компании вице-председатель Китая собирается посетить Америку. Это динамика, о которой мы не должны забывать. Это не холодная война в стиле XX века, а нечто совершенно другое.

Теперь о положении дел в арабском мире и Африке, в частности в Ливии. В арабском мире происходят существенные изменения. Люди отказываются от прежней модели, когда один человек решал судьбу целого народа. Перемены не радикальные, но направление обозначилось вполне отчетливо. Усиливается арабский консенсус, например все государства выступают против раздела Сирии, не одобряют то, что произошло в Ливии, и хотели бы, чтобы Египет снова занял ведущее место на Ближнем Востоке, так как его ослабление в международной политике привело к тому, что главенствующие позиции заняли Иран и Турция. Возвращение Египта в определенной степени уравнило бы силы в регионе.

Изменение мышления происходит в Саудовской Аравии. Прошлое должно остаться в прошлом, а мы живем в XXI веке. Надо открывать клубы и кинотеатры, разрешить женщинам водить машину, путешествовать без сопровождающего. Все это было невозможно представить еще совсем недавно. Изменения происходят и в интерпретации религии определенными ультраконсервативными организациями. В арабском мире достигнут консенсус по вопросу «Братьев-мусульман»: нельзя позволять им захватывать власть ни в одной стране. Этому решению следуют египтяне, иракцы, жители Туниса и других стран. И это оказывается вызовом для международной политики, потому что, насколько я знаю, в информированных обществах, например в российском, продвигали идею, что умеренный ислам должен как-то обуздать ради-

кальных исламистов, потому что гражданские правительства с ними не справятся. Многие считают, что за ограничением активности «Братьев-мусульман» стоит нынешний президент Турции Реджеп Эрдоган, считающий себя умеренным лидером. Допустим, он умеренный лидер в исламе, а как насчет всего арабского мира? Какая страна является сердцем ислама? Египет. А в Египте в 2012 году «Братья-мусульмане» победили на выборах. Началось продвижение альянса между правительством и правящими кругами в Турции. Это помогло убедить Переса и Обаму, и я тоже понял, кем является Эрдоган.

Египтяне не позволили «Братьям-мусульманам» нахотиться у власти дольше одного года, так как не могли смириться с их авторитарным стилем правления. В современном сложном мире подобное сообщество не может быть принято в качестве лидера. Надеюсь, весь мир в своей политике будет учитывать, что на Ближнем и Среднем Востоке происходят перемены и арабский мир уже не будет прежним.

В заключение кратко прокомментирую слова немецкого коллеги о неоисламизме и радикальном исламе, неонацизме и неофашизме. Я считаю, что к этому ряду следует добавить неоконсерватизм. Неоконсерваторы в Америке причинили большой вред международной стабильности, и то, что мы сегодня видим в Палестине, Иерусалиме и других местах, — это их рук дело. Более того, они считают, что мир должен находиться под жестким контролем определенной группы. Это очень опасно, в XXI веке нам нужен открытый мир. В новом столетии мы либо будем иметь множество открытых горизонтов, либо повторим ошибки, совершенные в XX веке. Не думаю, что это возможно, — миру суждено кардинально измениться. Важную роль в этом сыграют Россия, Индия и некоторые другие центры силы.

Нельзя допускать диктата крупных держав. Как можно игнорировать, например, Сингапур? Это крошечная страна со скромным бюджетом, но жители Сингапура заработали их усердным трудом, а не выкачали из недр. Так что мы продвигаемся к новой системе международных отношений, когда все важные вопросы обсуждаются на равных за столом переговоров. Но мы не можем просто принять решение и провести реформу Международного валютного фонда или Всемирного банка, потому что это было бы подобно реформе Организации Объединенных Наций. Такой процесс растянулся бы на многие десятилетия, поэтому никакой реформы, скорее всего, не будет. Вместо этого будет что-то другое. Что именно? Наша задача — думать и говорить о будущем, о том, как его строить. Например, обсуждать китайский проект «Один пояс — один путь», задачи новой финансовой организации «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» и т. д.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — к микрофону приглашается профессор из Великобритании Ричард Льюис.

Р. ЛЬЮИС: — Я основатель института, исследующего вопросы межкультурного взаимодействия в Великобритании, а последние 12 лет работаю советни-

ком по культуре во Всемирном банке. Я хочу отойти от темы валюты и большой политики, взглянуть немного шире и представить новую точку зрения на эту неанглийскую проблему. Возможно, это будет интересно. Правда, не стоит принимать мои слова слишком серьезно.

Мы обсудили различные вопросы — нарастание напряженности в мире, возврат к холодной войне и т. д. Можем ли мы что-то сделать, чтобы улучшить ситуацию? Есть ли какой-то способ, которым мы можем воспользоваться хотя бы для начала? Есть ли какие-то точки соприкосновения, по поводу которых в мире нет разногласий? В настоящее время, как отметил коллега из Польши господин Вятр, проблему национальных интересов иногда можно решить с помощью компромисса — будь то торговая война или территориальный спор. Хотя национальные интересы сильно влияют на положение дел, это решаемые вопросы. Гораздо хуже обстоит дело, когда сталкиваются разные идеологии. Любые — христианство, ислам, коммунизм и т. д. Очень трудно убедить кого-либо отказаться от религии или убеждений, которые ему дороги. И, конечно, главным фактором, вызывающим споры во всем мире, сегодня является религия. Так было не всегда, и история знает положительные примеры. Две крупнейшие религии в мире — христианство (2,8 млрд последователей) и ислам (2 млрд). Высокоразвитая, процветающая цивилизация Испании в VII–XIV веках отличалась гармоничными отношениями между христианами, иудеями и маврами, которые были мусульманами. Эта прекрасная цивилизация прожила 700 лет! Однако в настоящее время отношения между христианством и исламом трудно назвать хорошими.

На самом деле ни та, ни другая религия не являются крупнейшими в мире. Крупнейшую религию исповедуют 3 млрд поклонников, и она называется футбол. В этом не приходится сомневаться. Много людей на планете интересуются другими видами спорта, но все же у футбола значительно больше поклонников, футбольные матчи собирают миллионы болельщиков у телевизора, а международные матчи — огромную аудиторию во всех странах.

Думаю, что Президент России Владимир Путин понял ценность спорта уже во время Игр в Сочи, к тому же он сам занимается спортом. Скоро в России состоится Чемпионат мира по футболу — очень важное событие для людей во всем мире. Я проводил различные опросы в нашей стране, например, подходил к прохожим на улице и просил назвать самых известных людей из России. Когда-то они называли имена Сталина, Молотова, Громыко, позднее Горбачева. Но среди простых англичан очень популярен еще один человек — Лев Яшин, которого в Великобритании считают настоящим героем.

Получается, что есть тема, где мы все можем прийти к соглашению. Я предлагаю включать в делегации, которые собираются для обсуждения серьезных вопросов, не только министров иностранных дел и других дипломатов, но и спортивных чиновников.

Конечно, мы знаем, что есть и футбольные хулиганы, создающие немало проблем. Но давайте посмотрим

рим на футбольные ассоциации — английскую, немецкую, российскую, бразильскую и т. д. Они добились больших успехов в установлении гармоничных отношений.

Приведу два примера того, как спорт помог преодолеть политические разногласия. Первый — небольшой инцидент в период Первой мировой войны. Когда в 1916 году христиане праздновали Рождество, немцы и англичане, воевавшие на территории Франции, на несколько часов вышли из окопов и сыграли футбольный матч. И это в разгар войны!

И другой пример. Я рад, что здесь присутствует высочайший гость из Пакистана. Несколько лет назад между Индией и Пакистаном разгорелся серьезный конфликт из-за Кашмира. Как снизить напряжение? Было принято решение сыграть в крикет, пять тестовых матчей. И это очень помогло смягчить ситуацию.

Так что спорт может сыграть огромную роль в разрешении самых разных конфликтов. Представьте, как делегации, в состав которых входят не только представители министерств иностранных дел, но и президенты футбольных, легкоатлетических, лыжных, баскетбольных и других спортивных ассоциаций, решают спорные вопросы. И включите этих людей в делегации! Конечно, это только наполовину серьезное предложение, но в любом случае это возможно. Предлагаю об этом подумать — может, кто-то захочет воспользоваться моей идеей.

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ: — Спасибо большое, господин Льюис. Однако напомним другой случай — из истории Центральной Америки. В 1969 году из-за футбольного матча началась война между Гондурасом и Сальвадором.

Р. ЛЬЮИС: — Да, но с тех пор многое изменилось. Например, Англия стала более дружественной страной благодаря культуре футбола, а футбольные звезды, такие как Пеле, Неймар и другие, очень популярны в Англии и во всем мире.

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН, доктору политических наук Алексею Анатольевичу Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Сергей Юрьевич, в своем вступительном слове Вы упомянули о длинном XIX веке. Подчеркну: это выражение Эрика Хобсбаума, который также рассуждал о коротком XX веке. Но в конце XX века и начале XXI уже можно говорить о том, что XX век на самом деле не короткий, а такой же длинный, как XIX, потому что он не закончился на рубеже 1980–1990-х годов, а до сих пор продолжается. Может быть, мы находимся на грани перехода в XXI век, но надо понимать, что он не стал историей. Вы говорили о длинных (вековых) системных циклах накопления капитала, или волнах, но я думаю, что с таким же успехом можно рассуждать и о длинных геополитических волнах или моделях управления. В XVII веке мировой порядок стал европоцентричным, в его основу были положены империи. В XIX–XX ве-

ках их место заняли государства-нации, которые в Европе окончательно утвердились только в середине XX века, после того как все империи рухнули. Несмотря на опыт Евросоюза, судя по всему, национальные государства останутся главным строительным материалом и движущей силой и в XXI веке. Опыт Евросоюза нигде не реплицируется, никто не собирается создавать такие же мощные структуры. Поэтому США, Россия, Турция, Китай, ЮАР, Бразилия и другие страны — это бастионы национальной самоидентичности.

Сергей Юрьевич также говорил о цикличности в экономике, но цикличность характерна и для истории, и для развития международных отношений, когда происходит смена одной модели другой (хотя политические и экономические порядки, безусловно, следуют друг за другом). Речь идет о Вестфальской (с 1648 г.), Венской, Версальской, Ялтинской системах международных отношений. Иначе все это можно назвать взлетами и падениями великих держав, происходящими на грани существования разных моделей.

Нас интересует рубеж, стык, потому что мы сейчас находимся именно в такой ситуации. Все, что происходит на стыке, сопровождается насилием. К сожалению, в XXI веке мы не избежали повторения того, что уже происходило много раз. Сегодня мы наблюдаем очередную вспышку насилия, потому что происходит смена одной модели другой, идет борьба за командные высоты. В настоящее время получила распространение формула, использовавшаяся во второй половине XX века, когда США действовали по принципу *US in* по отношению к Европе, Россия — *out*, Германия — *down*. Сегодня происходит переформатирование принципов: в Европе *US out*. Стратегия США — выйти из сферы влияния Европы, причем начало этому положил не Трамп и даже не Обама, а Джордж Буш-младший. Германия и Франция — *in* с точки зрения стратегических планов США (на них перекладывается бремя ответственности в этом регионе), но Россия остается *out*. Однако теперь есть не только Европа, но и регион, опережающий ее по значимости, — Азия. США, уходя из Европы, 15 лет назад взяли курс на то, чтобы именно в Азии быть *in* China. В Европе *down* была Германия, теперь в Азии курс на China *down*.

Дело в том, что США (несмотря на то, что постоянно дискутируется вопрос, в правильном ли направлении они движутся) продолжают процесс саморазрушения. В 1945 году доля США в мировом ВВП составляла более 40 %, сейчас — 16 %. В 1990-е годы история предоставила США редчайшую возможность установить однополярный мир (милосердный гегемон и т. д.). США не только не использовали ее правильно, а совершили ряд действий, которые привели к подрыву их, казалось бы, бесспорного лидерства в мире. По отношению к своим союзникам в Евросоюзе США делают все, чтобы антагонизировать точки опоры, которые у них могли бы возникнуть в международных отношениях: выход из договора по климату, прекращение переговоров о Транстихоокеанском партнерстве, пакет санкций против России и крупнейших европейских ТНК в углеводородной сфере, перенос столицы в Иерусалим. США так же действуют и по отношению

к Ирану, что настраивает против них людей на Ближнем Востоке и в Европе.

Д. Трамп хотел примирения с Россией, чтобы преградить стратегическое сближение России и Китая. Ему не дали этого сделать, путь, который он выбрал, направлен против стратегических интересов США и способствует дальнейшему сближению России и Китая.

В книге А. Исаева «Берлин 45-го» автор рассуждает о стратегиях ежа и лисицы. Считаю, что стратегия США — это стратегия ежа: они реагируют на вызов, как ежик — пытаются решить вопрос с помощью иголок. А стратегия лисицы характеризуется адаптивностью, творческим подходом, креативностью и т. д. С этим у США большие проблемы.

Главные игроки сегодня — это США с редуцирующим кругом союзников; Евросоюз, потому что после брекзита у Европы есть шанс за 5–6 лет обрести свою политическую субъектность, размежеваться по военно-политическому потенциалу с НАТО, выработать что-то свое; Китай, который, основываясь на принципе коалиции, в XXI веке будет подниматься все выше; Россия с ее концентрическими кругами (Евразийским экономическим союзом, БРИКС); Индия, которая проявит себя во второй половине XXI века, а пока ждет своего часа.

Господин Колодко спросил, что делать. Советую не читать журнал «Экономист» за последние 15 лет в части рассуждений о России (в экономическом плане там все в порядке). Новая холодная война для России абсолютно неприемлема, ее никто не хочет. Сейчас получила распространение скорее не новая холодная война, а Phoney War — «странная война», которую западноевропейские страны вели с Германией до мая 1940 года.

Несколько слов об Африке. Полагаю, что вторая половина XIX века прошла под знаком Scramble for Africa (раздела Африки). Это был последний регион в мире, не «растасканный» империями. Полагаю, что Африка проявит себя, но не в ближайшие 20–30 лет, в этот период на новом витке вновь будет происходить Scramble for Africa, где тон будут задавать игроки не этого континента, а внешние силы.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется иностранному члену РАН, профессору Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Конец XX века — временной период, в котором стремительно рухнула двухполярная система мирового порядка и сформировался однополярный глобальный мир. Но в начале XXI века началась трансформация однополярного мира. Точкой отсчета этих процессов можно считать разрушение Берлинской стены. В 1997 году в беседе со мной Гельмут Коль заметил: «Я без единого выстрела объединил не только две Германии, а и Европу вокруг Германии». Это правда, но она была актуальной не дольше, чем существовал однополярный миропорядок. Все это были реалии короткого выстрела и быстро затухающих глобальных волн.

После 2010 года миропорядок испытывает, на мой взгляд, как часто бывает в объективных процессах,

усиление роли иррационального над рациональным. В значительной степени это связано с преобладанием стремлений к сиюминутным тактическим успехам и с пренебрежением к достижению долговременных истинных национальных ценностей и приоритетов. Ни одна страна в мире, кроме Китая, не имеет обоснованной и последовательно реализуемой системной долгосрочной стратегии. Только Китай осуществляет столетнюю стратегию и заканчивает обоснование стратегии на 200 лет. У России нет единой интегрированной стратегии, за исключением многочисленных документов под названием «стратегия...», но и они не имеют гарантированного ресурсного обеспечения и, следовательно, стратегиями не являются. И не случайно без фанфар заканчивают свой путь в мусорных корзинах. В Америке существует около 130 документов, которые называются «стратегия...», но ни один из них последовательно также не реализуется на практике.

В последние годы я работал над несколькими проектами в арабском мире: в Абу-Даби, Бахрейне, Катаре. Должен согласиться с нашими коллегами из мусульманского мира: там идет активный процесс рационализации общественного сознания и наблюдается прогресс, причем не только внутренний, о котором упомянул господин Амр Муса, но и в межнациональных отношениях.

Считаю, что после 2014 года новая холодная война находится в стадии первоначального разгара, и не случайно Генеральный секретарь ООН фактически констатировал, что началась холодная война. Я согласен с этим, но полагаю, что она будет недолгой. Мир все более интегрируется, и глобальный миропорядок сегодня подкрепляется другой субстанцией, которая появилась благодаря этому миропорядку, — глобальным сообществом, которое уже влияет на мирохозяйственные процессы и связи и со временем будет влиять на мир в большей степени, чем национальные сообщества.

Если говорить о минеральных ресурсах, то политика президента Трампа, использующего стратегию “peace through power” («мир через силу»), приведет к тому, что Америка все более начнет вовлекать в хозяйственный оборот свои несметные природные ресурсы, нанося некоторый вред экологии, чем Трамп пренебрегает (но я не уверен, что его не изберут президентом на второй срок; это вполне возможно). Вместе с формированием глобального сообщества продолжает усиливаться и существенно противоположный процесс — фрагментарность мира. Это прежде всего связано с тем, что глобальные многонациональные институты не имеют стратегических интересов и приоритетов. Я уже 26 лет являюсь членом Бреттон-Вудского комитета и могу утверждать, что страны, входящие в Бреттон-Вудскую систему, не имеют серьезной повестки дня относительно взаимодействия с многонациональными институтами.

Национальные интересы, которые страны стремятся реализовывать на глобальной арене, должны быть подкреплены истинными, глубинными ценностями. А когда интересы определяются сиюминутными по-

литическими структурами или тактическими устремлениями лидеров — это псевдоинтересы, которые отмирают с уходом с политической арены очередной фигуры, а мир испытывает многочисленные потрясения разной силы и плотности. Самое эффективное, что можно предложить для глобальной повестки взаимовыгодного сотрудничества, это разработка нескольких долгосрочных стратегий, ориентированных на реализацию узкого спектра приоритетов, сущностно требующих многостороннего взаимодействия: борьба с массовыми заболеваниями, предотвращение экологических катастроф и преодоление их последствий, борьба с терроризмом, распространением наркотиков и предупреждение иных общечеловеческих угроз.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — К микрофону приглашается заслуженный юрист России Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Я рад, что присутствую сегодня на этой дискуссии: дух захватывает от футурологических рассуждений о том, что нас ждет через 100 лет, в XXII веке и даже в XXIII! Я не буду заглядывать за далекий горизонт нынешней жизни. Технологии получают все большее распространение, все меняется очень быстро, поэтому давать прогнозы даже на 10 лет вперед, на мой взгляд, весьма затруднительно.

Продолжу мысль, которую высказал Владимир Львович Квинт. Никогда иррациональное не исчезало из жизни. Много определяется наработанными традициями, культурным наследием, национальным характером, приоритетом, которые формировались длительное время.

В США мы видим торжество индивидуализма — главной ценности американской психологии: герой-одиночка Трамп вступил в борьбу с превосходящими силами противника, даже не был поддержан собственной партией и победил.

С чем мы сейчас сталкиваемся в нашей стране? Об этом, кстати, было сказано во вступительном слове С. Ю. Глазьева: в России актуален другой запрос — запрос на величие, у нас комплекс победителей. Была теократическая страна, тоталитарная система, и на этой основе СССР успешно противостоял западному миру. Рухнул режим, причем одновременно экономический и политический, а запрос остался.

Во времена существования СССР в мире действовали два полюса, а сейчас сверхдержава одна, и мир столкнулся с бесцеремонным поведением США на международной арене. Неужели мы полагали, что то, что произошло с Украиной и в Крыму, Запад проглотит? Я радовался бы факту присоединения Крыма к России, если бы не был юристом.

Сейчас, как представляется, из этой ситуации надо найти выход. Мне понравилось, как на юридическом форуме проходила панельная дискуссия по европейскому праву. Присутствовали представители Совета Европы, судьи Европейского суда, министр юстиции России. Я с большой надеждой наблюдаю за выступлениями президента В. В. Путина, тоном его высказываний, в котором зазвучали примирающие нотки.

Я согласен с коллегой Ал. А. Громыко, что Россия не заинтересована в холодной войне. Печалит, что на международной арене нет фигур такого масштаба, как Киссинджер, Коль, Тэтчер. В основном лидеры ведут плоскую «пацанскую» политику: все демонстрируют, кто круче.

Сейчас на мировой арене появились новые игроки: Индия и Китай, но они следуют западным трендам. Традиционное противопоставление: европеец — потребитель, а восточный человек — созерцатель — ликвидируется, потому что представители элит Востока и Азии, люди, которые формировались в западной культуре, осознали, что бедность и нищета, в которой живет большинство населения, — это недостойно. Поэтому Индия и Китай демонстрируют большие успехи в экономике.

На что мы должны опираться? Международное право во многом разрушено, механизмы нуждаются в ремонте. После Второй мировой войны величайшим достижением было именно международное право, Организация Объединенных Наций, пакты, которые ратифицировали все страны, многочисленные конвенции.

Бердяев сказал, что право не может обеспечить рай на земле, но может помешать превратить жизнь в ад. Поэтому всем странам нужно заботиться о совершенствовании международных правовых механизмов, соблюдении международных актов, Европейской конвенции, пакта о правах человека. В этом случае, полагаю, не стоит предаваться настроениям катастрофизма. Жизнь проходит в борьбе, противоречиях, меняются интересы, но приоритет остается — это свобода и достоинство личности. Вот на этом, как мне представляется, и должна строиться цивилизация будущих веков.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Спасибо, Генри Маркович, особенно за оптимистичное завершение. Я хочу представить слово Ги Меттану, который представляет Швейцарию — страну непосредственной демократии, где, кажется, нашли способы урегулировать все конфликты на основе права.

Г. МЕТТАН: — Я с большим интересом следил за дискуссией, но особенно хочется отметить выступления Гжегожа Колодко, Амра Мусы и Сергея Глазьева.

Ограничусь двумя тезисами. Первый: мы не должны недооценивать изменения в структуре власти США, которым мы, по-моему, способствуем. До Трампа, даже во времена Обамы, обоих Бушей и Клинтона, миром правила коалиция неоконсерваторов и либеральных демократов. Это был разумный способ взаимодействия с миром и обеспечения гегемонии США. Сейчас все по-другому. Мы все помогаем новому объединению неоконсерваторов и популистов, представляемых Трампом. Трамп обеспечил единение с неоконсерваторами низших слоев общества, отвергнутых глобализацией, которые пострадали в предыдущие годы. Именно поэтому его так критиковали в начале его президентства и неоконсерваторы, и демократы, которые увидели в этом изменение правил игры. Но это не изменение правил, а меры для усиления влияния США. Дональду Трампу удается консолидировать различные группы

американского общества, низшие слои с элитами, представленными неоконсерваторами, а в итоге Америка станет гораздо сильнее, чем сейчас. По-моему, США уже демонстрируют некоторые признаки успеха этой политики. Уже сейчас неоконсерваторы критикуют Трампа не так сурово, как раньше, и даже демократы стали «добрее» к нему. Я имею в виду только международные дела. Именно поэтому он смог выйти из ядерного соглашения с Ираном, признать столичный статус Иерусалима и вообще заняться международными договорами, не подвергаясь особой критике, — потому что ему все равно. Интеллектуал Обама был не в состоянии сделать что-либо подобное.

Мой второй тезис состоит в том, что я присоединяюсь к мнению господина Моратиноса. Думаю, сейчас настало время, когда можно в некоторой степени поменять правила. Мир — европейский, азиатский, арабский и весь остальной — так шокирован изменениями, олицетворяемыми Трампом, не только стилевыми, но и сущностными, что открылось окно возможностей для того, чтобы инициировать и начать вести новый диалог об изменении существующих правил. Это долго не продлится. Например, в тех странах Европы, которые тесно сотрудничали с США, наблюдаются серьезные проблемы из-за политики Трампа. Поэтому Франция, Германия и в некоторой степени Великобритания в настоящее время готовы к тому, чтобы начать создавать новый, более справедливый порядок. Однако, с моей точки зрения, это вопрос нескольких месяцев, а не лет. Америка достаточно сильна для того, чтобы воздействовать на своих союзников, и тогда в мире больше не будет союзников и партнеров, останутся одни вассалы. По-моему, министр экономики понял, что произошло с Ираном, поэтому он сказал, что мы не должны позволять превращать себя в вассалов. А именно это ожидает всех нас, если мы неотреагируем и не воспользуемся открывшимися возможностями.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я приглашаю на трибуну дипломата Александра Михайловича Крамаренко.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Я представляю Российский совет по международным делам. Прежде всего мне хотелось бы напомнить слова Достоевского, который в «Записках из подполья» убедительно доказал, что рациональное обустройство человека в мире невозможно — рано или поздно что-то случится. Именно это и происходит сейчас: мы наблюдаем эндшпиль геополитической ситуации. Дальше все будет развиваться очень быстро, по обвальному сценарию, не предусматривающему никаких долгосрочных стратегий. Холодная война продолжается в новой инкарнации — какое еще можно дать определение, если одна ведущая держава подвергается санкциям другой? Конечно, это уже война: экономическая, финансовая и т. д. Новая холодная война куда более серьезна, чем ее предыдущий этап, который завершился с распадом Советского Союза.

Нужно отметить важный момент: никто никогда не предлагал нам ни о чем договариваться — нам на-

вязывали свою волю, которую можно было принимать или не принимать. Естественно, мы ее не приняли. Возможно, именно такая позиция Запада в отношении России привела к искажениям в нашем внутреннем развитии. Многие признают, что наш нынешний курс, который не нравится Западу, — это во многом результат западной политики в отношении России.

В целом нужно исходить из того, что в окружающей нас реальности происходят фундаментальные сдвиги и неизбежно связанные с ними разрушения. Мы, как и другие страны, получим свою долю «обломков», и уже сейчас должны трезво оценивать будущие перспективы. Думаю, все большее развитие получит суверенизация — большинство вопросов как внутренней, так и внешней политики будут решаться в рамках каждой отдельно взятой страны. Этот процесс инициирован Великобританией и США — они сейчас разрушают ту систему, которую сами же создали, но которая их больше не устраивает.

Другой вариант — это саморазрушение империи. Германская и японская империи были побеждены в ходе Второй мировой войны, а сейчас гибнет последняя — глобальная империя США: она может только саморазрушиться, поскольку война с ней невозможна. Таковы процессы исторического развития, нечто подобное наблюдалось в истории не раз. Я думаю, что с исчезновением последней империи будет упряднено само амплуа сверхдержавы и начнет функционировать многополярный, или полицентричный, мир. Но, как говорил в свое время Ленин, сначала надо разойтись по национальным квартирам. И американцы уйдут в самоизоляцию, но с позиции силы, как прежде они наращивали силы в Ираке, чтобы оттуда уйти.

К чему-то подобному приведут состоявшийся перенос посольства в Иерусалим и выход из ядерной сделки с Ираном. Иными словами, они окончательно разрушат свое нынешнее международное положение, которое, по сути, начало разрушаться с момента окончания холодной войны, и спокойно уйдут в самоизоляцию. Прежнее поколение консерваторов, таких как Джим Киркпатрик и Ирвинг Кристол, говорили (правда, еще до распада Советского Союза), что для Америки пришло время стать нормальной страной. Но потом распался Советский Союз и все увлеклись иллюзией однополярности. Проблема в том, что Америка никогда не была нормальной страной. Это надо учитывать, и к проявлениям ее неадекватности нужно готовиться. Я думаю, что в ближайшие годы решающую роль для нашей страны будет играть политическая воля, воля вообще — в том смысле, который в это понятие вкладывал Шопенгауэр.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется исследователю из Кембриджского университета Чокану Тураровичу Лаумулину.

Ч. Т. ЛАУМУЛИН: — Мне хотелось бы обратить внимание на рациональную сторону нашего бытия, то есть на науку, технику и технологии. Кроме ядерного щита и довольно хрупкого глобального ядерного паритета мы видим только одно объяснение того,

почему в мире до сих пор не вспыхнула новая мировая война. Эта причина — взаимосвязанность технологических цепей. В отличие от прошлых лет, в настоящее время, возможно, нет ни одного технического изделия, продукта передовой технологии, который бы производила только одна страна. Все осознают, насколько уязвимой может оказаться Россия из-за новых санкций. Но Россия, в свою очередь, может дать зеркальный ответ.

Приведу два примера. Один касается ведущего сегмента космической программы США. Ракеты-носители «Атлас-5» полностью работают на российских двигателях РД-180. В то же время импорт урана из России, Казахстана и Узбекистана составляет треть всех его поставок в США. Это, в свою очередь, дает до 25 % всех поставок энергии в США. Так что новая война маловероятна, иначе общий ущерб будет таким огромным, что от этого никто не выиграет.

Если говорить об энергии, то я считаю, что Россия может внести большой вклад в исследования и развитие некремниевой электроники, или сверхпроводимости. Это обещает новую, «зеленую» революцию в энергетике. И, как ранее упомянула Ирина Абрамова, наблюдается постоянная потребность в кобальте, который по большей части добывается в Африке — свыше 100 тыс. тонн, в то время как в России, если не ошибаюсь, — 3 тыс. тонн кобальта в год. Считается, что кобальт играет самую важную роль в глобальных изменениях. Он требуется для изготовления аккумуляторов и батареек, нужен для литиевых аккумуляторов и для хранения энергии. Человечество уже столкнулось с проблемой удовлетворения растущего спроса на кобальт. Средства массовой информации сообщают о росте количества смартфонов, о том, что в следующем году мы получим электромобиль. Но этого не произойдет, потому что кобальт уже сейчас в большом дефиците. А Россия занимает четвертое место в мире по запасам кобальта — после Конго, Австралии и Зимбабве. Однако мы не сможем действовать без развития науки. Чего мы хотим? К сожалению, на всем постсоветском пространстве мы видим разрушение научно-исследовательской базы. Великого ученого Петра Капицу до сих пор в Кембридже называют сверхчеловеком. Он был одновременно и кембриджским, и советским физиком, инженером и просветителем. Он родился здесь, в Кронштадте, и всегда подчеркивал, что самыми важными источниками мирового влияния в современном мире являются наука и культура.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Следующий выступающий — наш гость из Турции Эгемен Багис.

Э. БАГИС: — Турция — член «Большой двадцатки», одна из высокоразвитых экономик мира, входит в число основателей большинства европейских институтов и является членом НАТО на протяжении последних 66 лет, а также кандидатом на вступление в Европейский союз уже более 50 лет.

Турецкая армия — вторая по численности после контингента США в НАТО, но объем нашей торговли с Российской Федерацией в два раза превышает объем

торговли с США — нашим самым важным союзником по НАТО.

Турция — это своеобразный мост, самая восточная часть Запада и самая западная часть Востока. И с этой ролью мы справляемся лучше всего. Турция расположена таким образом, что одновременно является европейской, азиатской, ближневосточной, каспийской, балканской, средиземноморской и черноморской страной, поэтому и должна служить мостом.

Я не согласен с моим другом, бывшим генеральным секретарем Лиги арабских государств Амром Мусой, который попытался представить президента Эрдогана человеком, поддерживающим «Братьев-мусульман». Президент Эрдоган не является членом организации «Братья-мусульмане», наоборот, он вышел из партии, которая поддерживала «Братьев-мусульман», и создал собственное политическое движение. Начиная с 2002 года на каждых выборах он набирал большое количество голосов. Опросы общественного мнения показывают, что в Турции его поддерживают много людей. Это означает, что Эрдоган все делает правильно, так как люди вновь и вновь отдают за него свои голоса и переизбирают его. Если раньше его поддерживали 35 % избирателей, имеющих право голоса, то в настоящее время — 55 %. Он проводит правильную политику в отношении турецкого народа.

Однако нужно учитывать, что сейчас президент Эрдоган переживает не лучший период в своей жизни, он одновременно сталкивается с большим количеством вызовов. Мне хотелось бы, чтобы у Турции были такие же соседи, как, например, у Швейцарии. Но у нас весьма проблематичные соседи, почти все они вовлечены в какие-либо конфликты.

Турция пережила несколько попыток государственного переворота, незаконный способ захвата власти в конце 2013 года, попытку военного переворота в июле 2016 года, мы боремся с ДАИШ. Те, кто заявляет, что Турция поддерживает радикальные исламистские движения, ошибаются, потому что за последние три года мы уничтожили свыше 3 тыс. членов ДАИШ, а большинство тех людей, которые говорят о борьбе с терроризмом, не потратили на нее ни пенса.

Наша страна постоянно сталкивается с вызовами, нас атакуют террористы. Сегодня действует новое поколение террористических организаций в лице ФЕТО (террористическая организация Фетхуллаха Гюлена). За последние 50 лет эти люди проникли в турецкую судебную систему, армию, дипломатию, основали 1800 школ более чем в 160 странах. Кто-то их финансировал и давал им зеленый свет. Затем была предпринята попытка свергнуть демократически избранное правительство Турции недемократическими методами. Поэтому заявления о том, что Турция ничего не предпринимает, далеки от действительности. Турция пытается обороняться, и мы хотим продолжать делать то, что у нас хорошо получается.

Мы стремимся стать мостом между разными странами, культурами как бывшая столица Римской, Византийской и Османской империй. Стамбул сегодня — это столица Евразии. Мы хотим быть центром мира и ста-

бильности, и я надеюсь, что мы сможем помочь миру в решении возникающих проблем.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется академику Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Коллеги, я с большим интересом выслушал все выступления, и они вызывали у меня позитивный отклик и понимание. Но проблема, на мой взгляд, заключается в том, что сначала вы перечисляете различные преобразования, которые нужно провести в нашей стране для подъема экономики, — в том числе введение прогрессивного налога, деофшоризацию, — а потом говорите, что сейчас их реализовать нельзя, и предлагаете ориентироваться на Китай. Возможно, это правильно, но прежде всего мы должны понять, каково наше место в нынешнем меняющемся мире. Каждый занимает то место, которого он заслуживает своей силой, мощью, искусностью, способностями. Мы утратили многие прежние технологии, и самое печальное — не предпринимаем никаких усилий к их восстановлению. Тем временем США производят самолеты — и весь мир летает либо на «Аэробусах», либо на «Боингах». Они производят айфоны — и мы все ими пользуемся. У них мощная промышленность, они даже свою нефть начали добывать. Поэтому они выживут и утвердятся в той роли, которую сами для себя определяют. То же самое относится и к Европе. Да, конечно, прежняя роль великих держав уменьшится, их потеснит Восток, в первую очередь Китай. А что же мы? Мы, к сожалению, ничего не умеем производить. Например, мы не можем производить автомобили самостоятельно — собираем в основном из чужих деталей. Мы не можем производить газовые турбины. В Крыму они собраны из деталей Siemens. А ведь газовые турбины повышают эффективность использования топлива на 40 %. Иран освоил производство лопато-газовых турбин — это сфера высоких технологий. А у нас нет возможностей для чего-то подобного. Все надежды мы возлагаем на атомную бомбу, на которой сидим, как на поровой бочке. Конечно, благодаря ей нас никто не завоюет, но мир просто обойдет нашу крепость и пойдет дальше, а мы останемся со своими старыми технологиями.

Мы продолжаем разрушать свое образование. Раньше я этого не осознавал, но теперь руководители предприятий рассказывают мне о профессиональном уровне инженеров. Это кошмар! У нас разрушена отраслевая наука, это всем давно известно, но сейчас методично разрушают уже фундаментальную науку. Я боюсь, что если так будет продолжаться, мы останемся мостом для высокоскоростных железных дорог между Китаем и Европой и будем обслуживать эти железные дороги так же, как мы сейчас обслуживаем торговлю новой техникой и так далее.

В связи с этим возникает и проблема Российской академии наук, в которой осталось множество недостатков с советских времен: тогда она точно так же зачастую не могла определить главные направления в развитии технологий, делала колоссальные ошибки.

Современная научная общественность должна осознать, что есть множество проблем в развитии нашей страны и всей русской цивилизации, и очень самокритично посмотреть на себя, а затем активизировать свою деятельность. К сожалению, руководство страны неохотно идет на контакты с представителями научного сообщества. Это еще одна проблема, и мы должны настаивать на том, чтобы нас выслушали — не обязательно со всем согласились, но, на крайней мере, смогли бы организовать экспертную дискуссию вокруг наших ключевых проблем, в первую очередь — низкого уровня отечественных технологий. Этому способствует и наш образ жизни в целом, прежде всего огромное расслоение общества на богатых и бедных. Все эти проблемы требуют глубочайшего осознания. Русская мысль должна осознать пороки своего отечества и заняться их искоренением гораздо активнее, чем это происходит сейчас.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Коллеги, я предлагаю не отклоняться от нашей темы — это международные конфликты, а не внутренние. Приглашаю выступить Валерия Александровича Черешнева, который, как представитель научной общественности, возможно, в чем-то возразит Роберту Искандеровичу или дополнит его выступление.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, я скажу несколько слов о тех аспектах, которых мы еще не касались. Ресурсы и борьба за них, эмиссия валют — все это важно. Но мне кажется, что с точки зрения науки в целом и, в частности, медико-биологической науки, которую я представляю, очень важно еще, и какими чертами характера обладают государственные деятели, включая руководителей государств. Нужны политики масштаба Бисмарка, Ленина, Рузвельта со всеми их достоинствами и недостатками. В свое время США во главе с президентом Трумэн-ом создали план «Троян», который предусматривал развязывание ядерной войны против СССР, и только созданный нашей страной ядерный паритет позволил этого избежать. Дипломатия — не менее значимая сила, чем ядерное оружие. Бисмарк, о котором я уже упоминал, был хорошим дипломатом; во время пребывания послом в России в середине XIX века не только в совершенстве выучил русский язык, но и многое понял о нашей стране. В своих воспоминаниях он пишет, что его особенно впечатлил широкий диапазон понимания слова «ничего» в тех случаях, когда имеется в виду «нормально». «Как погода? — Ничего». «Хорошее мясо на рынке? — Ничего». «Теплая вода в Неве? — Ничего». Он долго не мог понять смысл этого «ничего» — до тех пор, пока его карета не перевернулась по пути в Берлин, и кучер, вытащив его, сказал: «Ничего: барин жив остался — и ладно». После этого он велел выгравировать слово «ничего» на своем серебряном перстне с печаткой и во время выступлений в парламенте часто смотрел на него и повторял: «Господа, не надо ничего затевать против России: ответ будет неожиданный и скорее всего неадекватный».

Какими чертами должен обладать руководитель страны? Попробуем рассмотреть этот вопрос с медико-психологической точки зрения. Во-первых, это должен быть уравновешенный, подвижный сангвиник без холерических вспышек и приступов меланхолии. Во-вторых, он должен сочетать творческий и рациональный типы мышления. Предпочтительнее быть экстравертом, который обращен к народу, а не замкнутым в себе интровертом, который что-то сам для себя придумывает, не советуясь ни с кем. Далее. Это должен быть хороший семьянин: семья делает человека уравновешенным и способствует динамике творческой жизни. Лучше, чтобы он был просвещенным человеком, опирающимся на науку.

В связи с этим хотелось бы добавить несколько слов, касающихся преобразований в научной сфере. Я уже говорил об этом на пленарном заседании и еще раз повторю: нынешние реформы не до конца оценивают исторические процессы развития Российской академии наук. Наша Академия наук была четвертой из созданных на протяжении XVII–XVIII веков научных сообществ после Лондонского королевского общества, Французской и Немецкой академий. Наша академия — единственная из всех была государственной. Сейчас же из нее хотят сделать клуб ученых, как за рубежом. Но ведь она строилась на совершенно других принципах! И наши университеты развивались совершенно иначе, чем европейские. Как можно превращать в клуб ученых то, что является государственным достоянием? Вся система складывалась на протяжении почти 300 лет, а теперь у академии изъяли все институты, через которые она функционировала. Сейчас, поскольку ликвидируется ФАНО, институты, очевидно, будут переводить в министерское подчинение — это на два года работы только по переоформлению документов, но, по сути, опять сохраняется разрыв институтов и академии.

Словом, реформа академической науки требует коррекции масштабной и безотлагательной.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Валерий Александрович, спасибо за Ваш профессиональный медицинский диагноз. Все-таки не хотелось бы, чтобы он привел к летальному исходу. Коллеги, я предлагаю вернуться к нашей основной теме и предоставляю слово господину Хуану Антонио Марку.

Х. А. МАРК: — Постараюсь быть кратким и говорить по сути. Главный вызов — Соединенные Штаты Америки, которые сегодня делают что хотят, и это оказывает на нас влияние. В первую очередь мы должны учитывать прекрасную политическую организацию США, которая действительно работает: 50 штатов провели избирательную кампанию, в ходе которой был избран 45-й президент. Кроме политической системы США сформировали мировую экономику. Нам это нужно учитывать при решении вопроса о том, как обустроить мир.

Поскольку мы собрались в России и дело касается в том числе Европейского союза, необходимо прислушаться к тому, что сказал Амр Муса: прошлое — это

прошлое, а нам нужно стремиться к созданию Большой Европы. Считаю, что Россия не должна быть заинтересована в партнерстве с Китаем. С сожалением можно констатировать, что китайская экономика, которая в 1960 году была в шесть раз меньше экономики СССР, в настоящее время в пять раз крупнее российской. Вблизи китайско-российской границы проживают 200 млн китайцев и только 13 млн россиян. Если Китай станет главным партнером России, то через 10 лет все изменится мирным путем — менеджерами во всех крупных магазинах в этой азиатской части будут китайцы (как, например, в Венеции, в которой сегодня очень много китайцев). Так что главным партнером России является Европа, а не Китай. Считаю, что для россиян безопаснее сближение с европейцами, которым также нужны русские.

Второй момент: восточная часть Европы (Польша, Венгрия, Чехия и т. д.) должна забыть обо всех сложностях во взаимоотношениях с Россией, а Россия — о трудностях выстраивания отношений с Европейским союзом, его амбициях в отношении России. Нам нужно стремиться создать новое пространство в Европе, которое изменит нас, причем оно должно быть многообещающим. У России есть все, что нужно Европе, а у Европы есть все, что нужно России. Так что мы должны быть умнее американцев, вновь стать сильными и создать перспективу для новых поколений. Молодое поколение в Европе уже 25 лет не объединяет никакой проект. Вначале в качестве проектов выступали строительство Европы, затем — создание внутреннего рынка, после этого — создание евро. А какой проект существует сейчас? Только выжить. Этот проект не является великим для 20–25-летних людей. В Италии, Испании, Франции растут националистические настроения. Нам нужен большой проект. Мы вместе создадим крупнейшее пространство в мире с хорошо организованными городами, большими научно-исследовательскими возможностями, и этому ничто не мешает.

Россия всегда участвовала в европейских делах, а Европа — в делах России. Мой последний послыл: пожалуйста, помните о нас, не думайте, что другие усложняют вам жизнь, попытайтесь быть рассудительными, находчивыми, действовать быстро и эффективно.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется доктору философии из Австрии Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Человеческая природа в ближайшее время не изменится, как и в ближайшие сто и тысячу лет, так что главный вызов в международных отношениях — вопрос о том, в какое русло направить и как регулировать тенденцию к агрессии и продвижению собственных интересов в ущерб коллективным.

Здесь уже неоднократно упоминалось понятие «гибридная война». Хочу сказать, что гибридная война по своей структуре не является новым явлением: война всегда была (и должна быть) гибридной, если те, кто ее ведет, хотят добиться успеха. В прошлом использовались другие — невоенные — средства, такие как дезинформация, пропаганда и так далее, а также воз-

возможности разведслужб. Это может измениться, только если (дай бог, чтобы это никогда не случилось!) будет использовано ядерное оружие. При таких условиях (если военачальник считает, что это единственная возможность) все остальные аспекты так называемой гибридной войны перестанут иметь значение.

Второй момент, который я хочу отметить, — невозможность и дальше сохранять мир таким, каким он виделся в 1945 году. Система коллективной безопасности устарела, потому что основывается на предположении, что пять мировых держав после окончания Второй мировой войны должны сотрудничать как равные силы, им предоставлены привилегии в ООН, а именно — право вето. Считалось, что они будут взаимодействовать в духе сотрудничества и не станут злоупотреблять своими привилегиями. Именно право вето делает любую из этих пяти стран почти неуязвимой, если говорить о применении силы. Это положение актуально только в случае баланса сил пяти стран, если бы другие страны могли остановить любую из них от злоупотребления своими привилегиями. Сейчас в мире не существует никакого баланса сил. Именно поэтому Соединенные Штаты Америки считают, что имеют право разрушать Ирак, атаковать Сирию и т. д.

Я согласен с господином Глазьевым и тем, что он сказал. При таких обстоятельствах единственная рациональная альтернатива для руководителей всех стран, которые пока не являются частью глобальной правящей системы, — координация действий таким образом, чтобы постепенно возникали новые центры силы, чтобы мы когда-нибудь в будущем создали новую многополярную расстановку политических сил.

Приведу один факт в ответ на сказанное генеральным секретарем Лиги арабских государств Амром Мусой о Турции. Когда президент Эрдоган (тогда — премьер-министр) посетил с официальным визитом Каир в период президентства М. Мурси, он произнес интересную речь (сейчас ее можно найти только в сокращенном варианте). В частности, Эрдоган говорил о различии между государством и гражданином. Человек может быть мусульманином, христианином или исповедовать другую религию, но государство не может быть ни мусульманским, ни христианским — оно должно занимать нейтральную позицию. Я помню реакцию СМИ, а также «Братьев-мусульман» на слова Эрдогана: «Не вмешивайтесь в наши дела и не пытайтесь давать нам советы». Эрдоган понял проблему, но, к сожалению, его совет не достиг цели. Иначе ситуация в Египте могла сложиться по-другому.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Доктор Ежи Вятр, Вам слово.

Е. ВЯТР: — Я полностью согласен с тем, что сказал господин Марк, особенно с тезисом, что необходимо восстанавливать тесные связи между Россией и Европейским союзом, нужна перестройка всей Европы. Конечно, это сложный процесс, особенно из-за сильных антироссийских, русофобских настроений в некоторых странах Евросоюза, к которым, к сожалению, относится и Польша. Однако это очень важная задача для обеих сторон.

Несколько слов о новой холодной войне. Я не согласен с точкой зрения, высказанной здесь уважаемыми коллегами. Я не верю в то, что в настоящее время повторяется холодная война. Холодная война, по сути, была идеологической борьбой за будущее человечества. Этого больше нет, сейчас мы наблюдаем три основных последствия окончания холодной войны.

Первое — это амбиции США, их стремление к гегемонии, которое критиковали многие, но особенно Збигнев Бжезинский. Я был знаком с ним более 50 лет, он одновременно был американским патриотом и хорошим специалистом по международным отношениям.

Второе последствие — то, как окончилась холодная война и как распался Советский Союз. Это случилось без подготовки, внезапно, поэтому остался ряд нерешенных проблем, как, например, взаимоотношения между Россией и Украиной, Россией и Грузией, Арменией и Азербайджаном и т. д. Надеюсь, эти проблемы будут решены в процессе политических переговоров, достижения компромиссов и т. д.

И третье — имеется ряд международных проблем, которые можно считать остатками холодной войны, например ближневосточный кризис, палестино-израильский конфликт и т. д. Эти важные проблемы создают опасность для мира во всем мире, атмосферу, в которой трудно жить, но они не являются повторением холодной войны.

В заключение хочу сказать, что мы, как интеллектуалы, можем повлиять на международные отношения двумя способами. Первый — в качестве советников (некоторые из нас ими являются или были) и политиков (когда мы сами можем на что-то влиять). Второй способ — в качестве просветителей. Эта роль является более естественной для интеллектуалов. Просвещение — долгий процесс и, конечно, не дает мгновенных результатов, но это способ изменить видение мира простыми людьми и политиками.

Многие проблемы возникают вследствие того, что люди неправильно трактуют отношения: они видят опасность там, где ее нет, узнают врагов там, где нет причин для враждебности, и т. д. Так что диалог, ради которого и проводятся такие встречи, очень важен не только для удовлетворения интеллектуальных потребностей, но и для улучшения мира — чтобы он стал хоть немного лучше.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Большое спасибо! Просвещение очень важно, Вы, как министр образования Польши, прекрасно знаете об этом.

Слово предоставляется профессору Робину Мэтьюзу.

Р. МЭТЬЮЗ: — Хотел бы высказать несколько соображений по поводу услышанного. Первое, что я заметил, — в сообщениях, которые сегодня прозвучали, много говорилось о конкуренции, но мало об эмпатии. Второе — Л. Толстой в своем романе «Война и мир» говорит о Наполеоне и о том, что Наполеон думает, будто все случилось благодаря ему, но это не так. Происходящее — результат вроде бы незначительных событий, которые приводят к важнейшим результатам.

Также здесь говорили о хаосе и сложных системах. Я не согласен с господином Г. Кёхлером, который сказал, что человеческая природа не меняется. Она очень скоро может измениться. Достаточно вспомнить простые примеры (например, шотландцы бросили курить), которые показывают, что люди способны на кардинальные перемены. Также важной является концепция пластичности нервной системы. В результате определенного поведения мы можем изменить генетическую структуру. Кроме того, следует учитывать так называемый «эффект роя»: когда одна группа людей сочувствует и сопереживает, то другие люди делают то же самое, и это напоминает поведение пчелиного роя.

Кроме того, я считаю, что мы упустили важные последствия развития искусственного интеллекта. И я думаю, что он полностью все изменит.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется представителю МИД РФ Ринату Жафяровичу Аляутдинову.

Р. Ж. АЛЯУТДИНОВ: — Возвращаясь к теме конфликтов, стоит напомнить, что причины их многообразны: социальное неравенство, несовершенство государственных институтов, этнические и межконфессиональные противоречия, борьба за ресурсы и, конечно, наследие колониального прошлого. Однако нынешняя геополитическая обстановка уже сама по себе осложняет урегулирование большинства современных конфликтов. Методология управляемого кризиса, которую Запад считал универсальной, больше не работает. Это очевидно прежде всего на примере Совета Безопасности — международного органа, который по Уставу ООН несет ответственность за обеспечение мира и безопасности на планете. Много ли конфликтов удалось погасить Совету Безопасности в последнее время? Складывается ли конструктивный диалог в Совете Безопасности при попытках урегулирования тех или иных конфликтов? Вопросы эти по большей части риторические, поскольку ответы на них вам известны.

К сожалению, в последнее время мы нередко наблюдаем такую картину: внутренние кризисы, возникающие в разных странах по объективным причинам, раздуваются до необъятных размеров, в том числе за счет грубого вмешательства внешних игроков, что, попутно замечу, является нарушением Устава ООН. И вот стране сначала угрожают, потом начинают давить на нее всеми способами. Чаще всего применяется наиболее одиозный инструмент — односторонние санкции.

Оперативно подверстываются сюда и различные теоретические выкладки, касающиеся гуманитарных катастроф, угнетения меньшинства большинством, ущемления прав человека, необходимости принятия срочных мер по защите гражданских лиц. И наконец заходит речь о «гуманитарной интервенции» в рамках продвигаемой ныне в ООН так называемой концепции ответственности по защите. Зачастую в обход Совета Безопасности ООН формируется коалиция стран, которая решает, какие действия предпринимать по отношению к той или иной стране — то есть фактически берет

на себя его функции. Примеров достаточно: Югославия, Ирак, насильственное свержение власти в Ливии и т. д. Подобные действия ведут к девальвации международного права, ослаблению многосторонних институтов и одновременно к росту значения военной силы, о которой в последнее время все чаще стали упоминать и которая рассматривается сегодня некоторыми странами едва ли не как единственная эффективная гарантия продвижения своих интересов и обеспечения безопасности.

Говоря о необходимости международного диалога, хочу еще раз подчеркнуть то, что мы повторяем вот уже много лет: этот диалог должен быть честным, открытым и главное — равноправным. Мы готовы обсуждать любые вопросы. Но как их обсуждать, когда вместо обсуждения нам преподносят уже готовые решения? Возьмем наши отношения с Евросоюзом. До определенного момента они успешно развивались. Я работал в Брюсселе в середине 2000-х годов и участвовал в переговорах с ЕС по разработке «дорожных карт» по четырем пространствам сотрудничества. Вырисовывалась отличная перспектива. Что случилось потом? Как известно, после событий на Украине Евросоюз отказался от стратегического партнерства с Россией и заморозил практически все официальные форматы сотрудничества и контакты на высоком и высшем уровнях. Со своей стороны мы готовы в любой момент все возобновить, готовы к прагматичному открытому и равноправному диалогу. Обращаясь к присутствующим здесь коллегам из Польши и отвечая на их ремарки, хочу сказать, что отношения с Польшей всегда имели для России особое значение. Мы очень надеемся, что у нас будут продолжаться и диалог, и сотрудничество. Но для начала перестаньте хотя бы разрушать памятники советским воинам, они совершенно этого не заслужили. У нас могут быть различные интерпретации событий Второй мировой войны, в том числе тех, что происходили в Польше, но это дело историков. Мы не должны воевать с прошлым, нужно смотреть в будущее.

И последнее, опять же в плане комментария к ряду выступлений. Да, необходимо поддерживать и развивать систему международного права. МИД России ценит Европейскую конвенцию по правам человека, продолжает работу с Европейским судом по правам человека. Что касается Китая, о котором один из предыдущих выступающих сказал, что он привержен западным ценностям, я бы все же посоветовал внимательно изучить итоговые документы последнего съезда ЦК Компартии Китая.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется профессору Дмитрию Валентиновичу Мосякову.

Д. В. МОСЯКОВ: — Большое спасибо за возможность принять участие в дискуссии. У меня будут два небольших уточнения и короткий комментарий по поводу предыдущих выступлений. Первое уточнение внесу как востоковед: опыт Европейского союза не распространяется на весь мир. Он, конечно, учитывается — примером тому в первую очередь служит

АСЕАН. В его основных документах четко говорится, что именно опыт Европейского союза в рамках движения по пути интеграции является для него «дорожной картой». Создание сообщества АСЕАН, запланированное на ближайшее время, целиком и полностью находится в рамках той парадигмы, которая была указана Европейским союзом. Но в то же время я согласен с тем, что Китай совершенно другой. Его основные ценности не соотносятся с обществом потребления, они основаны на принципах «сяокан», подразумевающих в первую очередь контроль за потреблением со стороны государства и социальную справедливость, также поддерживаемую государством. Это очень важные принципы, на которых строится все будущее развитие китайского общества. То есть там не ставится цели достичь потребительского уровня «как в Америке», вместо этого рассчитывается средний уровень потребления для граждан страны. И наконец, небольшой комментарий. В предыдущих докладах много говорилось о необходимости и способах изменений нынешнего положения в мире. Но мы с коллегами, занимаясь Юго-Восточной Азией, в частности Южно-Китайским морем, видим, как на этом пути постоянно возникают преграды. Вот, например, «Роснефть» начала нефтедобычу на месторождении «Красная орхидея». Оно представляет для нас огромный интерес, у нас уже давно построен в этом регионе нефтеперерабатывающий завод, есть рынок сбыта, есть нефтепровод, привезли платформу с Дальнего Востока. Но сейчас опять повторяется ситуация 2013 года, когда с китайской стороны последовали жесткие заявления о запрете на эту разработку. Любые наши предложения о переговорах, о перспективах совместных разработок наталкивались на категорический отказ. Два с лишним миллиона квадратных километров объявлены частью китайской территории, и ни о чем другом речи не идет. Еще Repsol пытался там бурить, но Китай буквально выгнал оттуда всех — испанцев, индийцев. При этом у нас с Китаем в целом развиваются взаимовыгодные отношения, и я считаю, что на этом фоне в подобных локальных ситуациях наши интересы тоже должны каким-то образом учитываться. Это улица с двусторонним движением. Мы, со своей стороны, оказываем Китаю всестороннюю поддержку, начиная с проведения совместных российско-китайских учений в Южно-Китайском море и вплоть до нашей, как мне кажется, не совсем правильной реакции, когда китайцы поставили свою буровую платформу во вьетнамских территориальных водах: все тогда протестовали, Вьетнам ожидал поддержки с нашей стороны, но, к сожалению, ее не было. Получается, что правильные теоретические и стратегические установки вступают в противоречие с возникающими в реальности конфликтами и недоразумениями, которые необходимо разрешать. Спасибо.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Алексею Владимировичу Кузнецову.

А. В. КУЗНЕЦОВ: — Во-первых, возвращаясь к обсуждению конфликтов, хочу подчеркнуть, что

они бывают разного уровня и разной природы. Иногда очень неожиданно для многих наблюдателей даже региональные латентные конфликты перерастают в конфликты международного уровня. Это мы видели, в частности, на Украине. В результате перед Россией возникает дилемма: иметь ли свою активную позицию относительно всех тех конфликтов, которые могут в перспективе приобрести международное измерение, или сосредоточиваться только на каких-то отдельных, наиболее важных для нас. Какова, например, должна быть наша роль в тех локальных противостояниях, примеры которых приводил предыдущий докладчик: вьетнамско-китайских, индийско-китайских и тому подобных?

Если мы выбираем первый вариант — формировать и отстаивать свою позицию по всем конфликтам во всем мире, то должны быть готовы ко многим опасностям. Во-первых, мы рискуем вернуться во времена холодной войны, потому что наша позиция в большинстве случаев не будет совпадать с позициями других более сильных игроков, и это будет их раздражать. Во-вторых, это вызовет необходимость предъявлять к себе более высокие требования, в том числе на уровне внешнеполитической стратегии, поскольку все конфликты в той или иной степени взаимосвязаны, и надо будет координировать наши позиции по разным конфликтам. Но, с другой стороны, это потребует стимулирования экономических и гуманитарных исследований в стране, потому что по некоторым регионам Африки, Азии и Латинской Америки расширять аналитическое направление действительно необходимо. Возникает и еще один очень важный момент: просто заявлять свою позицию по тому или иному конфликту — это не конструктивно. Конструктивно — искать постоянных или хотя бы временных союзников по текущим вопросам, и это вряд ли возможно, если стоять на сугубо антиамериканской или прокитайской позиции. Мы должны решить для себя вопрос — и в то же время попытаться получить честный ответ на него от европейцев, — насколько продуктивным и долгосрочным может быть диалог с Европейским союзом. Хотя существуют и иные недавно возникшие «центры силы» — Бразилия, тот же Китай — именно Евросоюз наиболее подходит России в качестве стратегического партнера.

И в заключение хотелось бы сказать о роли культурных барьеров в разрешении конфликтов. Россия, безусловно, готова к международному диалогу, но вопрос в том, понимаем ли мы до конца, как формируется общественное мнение в Западной и Центрально-Восточной Европе? Насколько сильны культурные барьеры между нами и нашими партнерами из ЕС? У нас часто говорят о манипулировании общественным мнением, распространенном на Западе, — но ведь получается, что те, кто манипулирует, знают, на какие рычаги нажимать, а России остается только досадовать, что опять не удалось донести свою точку зрения до западных партнеров. Поэтому такие вещи нужно серьезно обдумать, и прежде всего нужно дать самим себе ответ на вопрос, чего мы реально хотим. Пока, к сожалению, мы не можем прийти к консенсусу даже внутри страны, не говоря уже о международном уровне. Наше

участие в конкретных трех-четырех крупных международных конфликтах по большей части реактивное: мы не планируем свою внешнюю политику ни на десять лет, ни даже на год вперед. Эту ситуацию нужно менять.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется господину Уго де Шаваньяку, Генеральному консулу Франции в Санкт-Петербурге.

У. де ШАВАНЬЯК¹: — Сегодня мы выслушали разные мнения, среди них были и очень пессимистические, например мысль о новой холодной войне, которая уже началась или возможна в будущем. Это напоминает мне сюжет пьесы французского драматурга Жана Жироду под названием «Троянской войны не будет». Конечно, в конце пьесы Троянская война начинается. Однако я считаю, что мы находимся в противоположной ситуации. Я не придерживаюсь мнения, что холодная война фактически идет, и не верю, что она возможна.

Действительно, сегодня существует ряд проблем, которые вызывают беспокойство. Одна из актуальных — проблема кибербезопасности. Киберпространство совершенно не урегулировано, трудно определить правила игры для этой весьма специфической сферы, но в этом заинтересованы все. Так что мы можем надеяться, что пути и средства решения проблемы все же будут найдены.

Кроме того, в современном мире взаимозависимость между странами гораздо сильнее, чем в прошлом. Из-за того, что США вышли из Парижского соглашения по климату, мы можем быть настроены пессимистично, но должны понимать, что само Парижское соглашение стало фантастическим достижением, в результате которого международное сотрудничество поднялось на беспрецедентный уровень в решении глобальных проблем. США в любом случае придется вернуться к участию в этом соглашении (в какой-либо степени), потому что это актуальный вопрос, игнорировать который невозможно.

Еще одна важная проблема — терроризм. Возможно, это не вопрос существования мира, как говорят некоторые, но нечто совершенно неприемлемое для наших стран и веская причина для сотрудничества.

Последний, но не менее важный вопрос — экономика. В экономике есть области, в которых отмечается конкуренция, — так было всегда. И геополитическая

¹ Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге (с 2017 г.). Работал в Министерстве международного сотрудничества и развития Франции (Париж, 1987–1992); в Европейской комиссии (Брюссель, 1992–1995); в Управлении по экономическим и финансовым вопросам при МИД Франции (Париж, 1995–1998); вторым советником в Посольстве Франции в России (Москва, 1998–2001); в Постоянном представительстве Франции при Евросоюзе (Брюссель, 2001–2005); советником президента Румынии по европейским вопросам (Бухарест, 2005–2007); в Генеральном секретариате Комиссии по Белой книге о международной и европейской политике Франции (2007–2008); директором по вопросам международных и европейских связей в МИД Франции (Париж, 2009–2010); советником по сотрудничеству и культуре и директором Французского института при Посольстве Франции в России (Москва, 2010–2013); в Управлении по вопросам предпринимательства и международной экономики при МИД Франции (Париж, 2014–2016).

конкуренция — тоже не новость. Мы также наблюдаем сильную взаимозависимость, когда говорим о взаимоотношениях между двумя важными мировыми игроками — США и Китаем — в экономике и значительно больше — в геополитике. Торговая война будет иметь ужасные последствия для обоих участников. Полагаю, что дальше проведения трудных переговоров и бряцания оружием дело не пойдет, а также не верю, что начнется торговая война. Я не считаю, что мы вернулись в 1940-е годы, потому что сегодня ситуация в плане экономической взаимозависимости сильно отличается от того, что было в прошлом.

В заключение приведу французскую поговорку: «Нельзя быть уверенным в том, что дела обстоят хуже всего именно сейчас». Кроме того, добавлю: остерегайтесь навлечь беду, потому что если все время говорить о холодной войне, то она может стать реальной перспективой, а это никому не нужно.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется профессору из Исландии, доктору философии Валуру Ингимундарсону.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Я согласен с тем, что здесь говорилось о новой холодной войне, и не считаю это неуместным или несвоевременным (и не только потому, что этот вопрос в большей степени был вопросом идеологии, особенно на начальном этапе).

Несколько слов о стабилизации двухполюсной системы. Ранее господин Колодко сказал, что Запад в настоящее время расколот по многим направлениям. Причем это раскол не только в отношениях между Америкой и Европой (который необязательно должен усугубляться, но вполне может из-за президента Трампа), но и внутри самой Европы. Сейчас серьезную проверку проходит политическая идентичность, что связано с ростом популизма и ультранационалистической изоляционистской политикой. Нам не следует переоценивать влияние Трампа: несмотря на его односторонние действия, ему не удалось переделать американскую элиту и изменить ее отношение к внешней политике, полностью подчинить себе Республиканскую партию и добиться долгосрочного альянса с рабочим классом, выходцами из Латинской Америки и чернокожим населением. Я не уверен, что частью большой американской стратегии является вбивание клина между Китаем и Россией. На мой взгляд, в настоящее время американцы больше обеспокоены стратегическим соперничеством с Китаем.

Господин Мэтью упоминал об эмпатии и необходимости более тесного сотрудничества. Я тоже считаю, что этому нужно уделять больше внимания. Назову один регион в мире, где такое положение дел уже прослеживается, — это Арктика. В этом удаленном и важном регионе присутствуют Россия, Америка, Канада и другие страны, действия которых регулируются международным правом, Конвенцией ООН по морскому праву, договорами и работой Арктического совета. Наблюдается полное принятие установленного порядка как участниками Арктического совета, так и другими странами. Очевидна необходимость установления

взаимопонимания между великими державами, США и Россия должны осознавать, что Арктику нельзя рассматривать как зону геополитических конфликтов. Об этом уроке нельзя забывать в наше сложное время, когда возрастает международная напряженность, крупные державы проводят одностороннюю политику и развязывают войны (но ведут их чужими руками) во всех частях света.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — У меня нет иллюзий, что нынешний (и будущий) мир способен преодолеть международные конфликты. В таком благом состоянии он не пребывал никогда. Задача мирового сообщества заключается в том, чтобы не доводить эти конфликты до военных столкновений между основными центрами силы, потому что в условиях существования атомного арсенала это может иметь катастрофические последствия для всей планеты. Разумеется, главная ответственность за недопущение такого развития событий лежит на этих самых силовых центрах, но разделяться она должна и всем мировым сообществом. Оно не должно уповать только на благоразумие «великих», а должно в меру своих сил и возможностей активно содействовать разрядке мировой напряженности.

К сожалению, это происходит не всегда и не везде. Отдельные страны, пребывающие в плену истори-

ческих обид за прошлое, не только не способствуют мирному процессу, но, по сути, делают все, чтобы его не было. В данном случае я имею в виду новых членов Европейского союза и НАТО — Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Румынию и других, которые постоянно нагнетают атмосферу страха, уверяют своих старших союзников в злокозненных намерениях России, в том, что она вынашивает планы их поглощения. Спасение от «российской угрозы» указанные государства видят в военных контингентах США и НАТО и возделенно зазывают их к своим границам. При этом решают и внутренние экономические проблемы, получая от коллективного Запада финансовую помощь.

Русофобия для них превратилась, по сути, в средство для безбедного существования. США и старая Европа охотно откликаются на тревожную озабоченность своих новых союзников, в результате чего и у западных границ России формируется очаг напряженности, который ничего хорошего не сулит ни «младоевропейцам», ни России, ни европейскому миру в целом. Он не обязателен, совершенно искусствен и, будь названные страны более ответственны перед будущим и более нравственны в международных отношениях, его вообще не было бы.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Уважаемые коллеги, на этом мы завершаем нашу дискуссию. Хочу поблагодарить всех выступавших за открытость, профессионализм, позитивный конструктивный диалог.